

Александр Соболев – визионер, это редкая разновидность поэта. В интеллектуальном поле его стихов разыгрываются поистине глобальные сценарии, в которых решается судьба человека. Для меня поэзия, которая помнит, что она вообще-то участвует в разговоре о человеке, что у нее важная роль в этом разговоре, очень интересна. В то же время поэзия Соболева не пребывает в эмпириях абстракций – она работает с самым разным языковым материалом и распоряжается им весьма изысканно.

Владимир Козлов

Уникальность таланта Александра Соболева прежде всего в особом нравственном стержне его поэзии, не позволяющем отклоняться от Пути. Мне кажется, именно поэтому эволюция его поэтического языка и мышления в хорошем смысле предсказуема. Эта книга подобна стреле, пущенной из лука твердой рукой, и она достигает цели.

Надя Делаланд

Александр Соболев – один из тех редких поэтов, которые без ложного пафоса и показного философствования говорят о сакральных вопросах бытия внятно, подчас с изрядной долей самоиронии и всегда – искренне. Думаю, такая манера слагать стихи продолжает исконно русские поиски истины.

Сергей Сутулов-Катеринич

Александр Соболев – не сторонник «короткого» письма, но ни в одном стихотворении не найти ни одного лишнего слова. Поэт не заговаривается, не опьяняется речью – сами слова «пишут» его, выстраиваясь в стройный, гармонический лад; они проговариваются будто бы только сейчас; они теплы, они в динамичном движении, они обращаются к читателю как к человеку, которому автор безоговорочно доверяет и в котором полностью уверен: поймёт с полунамека, заметит смысл и явный, и подразумеваемый.

Эмиль Сокольский

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и технической поддержке Союза российских писателей

МЕЖДУ ВОЛКОМ И СОБАКОЙ

Александр Соболев

Между
Волком и собакой

Александр Соболев

Между волком и собакой

Стихотворения

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ

МЕЖДУ

В О Л К О М
И
С О Б А К О Й

МОСКВА
ВОДОЛЕЙ
2020

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
С54

Издано при финансовой поддержке
Министерства культуры РФ и Союза российских писателей

Соболев А.
С54 Между волком и собакой: Стихотворения. – М.: Водо-
лей, 2020. – 224 с.

ISBN 978–5–91763–513–2

Александр Соболев – автор пяти поэтических сборников. Публиковался в журналах «Нева», «Дети Ра», «Prosodia», «Москва», в альманахах «45 параллель», «Белый Ворон» и других. Лауреат конкурса «45-й калибр», победитель конкурса «Вечерней Москвы», обладатель гран-при фестиваля «Провинция у моря».

Шестая книга включает стихи разных лет и вполне определяет позицию автора. В его картине мира поэзия в концентрированном виде рассматривает важнейшие вопросы существования и чуть ли не общие перспективы развитой жизни. Мысль и эмоция, симбиоз, диалектическая парность решает проблему совершенствования на своём, поэтическом диалекте. Автор полагает, что гармоничный синтез эмоции и разума – универсальный инструмент эволюции. Он рассматривает её как область искусства, в литературе – искусства вербального.

Полагая, что поэзия входит как элемент в магию бытия и творения, Александр Соболев стремится писать именно в этой плоскости.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

ISBN 978–5–91763–513–2

© А. Соболев, 2020
© О. Андреева, предисловие, 2020
© Издательство «Водолей», оформление, 2020

ИСКАТЬ НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ВЕЩЕЙ

Как известно, сгорает только бумага, а слова возвращаются к Богу. В этой книге Александр Соболев предполагает, почему и для чего именно *«рисунки и текст разлетевшихся перлом страниц /непрерывно запишутся в чёрный магический ящик...»*.

Весы постоянно колеблются, добро и зло присутствуют в мире и жёстко противостоят друг другу, и полем этой битвы становится хрупкая человеческая душа.

*и шамкает сумрак: «Подсуден... подсуден!..»
Да есть ли проблема, коль в общей посуде
и добрые зёрна, и скудость твоя...
...И стрелка весов, накрываясь, дрожит,
и мрачно кривится Гроссмейстер успений...
Но, может быть, твой белокрылый успеет
на правую чашу перо положить?..*

Вот с таких – самых главных – тем – начинается эта книга, и продолжает говорить о главном – подробно и разнообразно – до последней страницы. О проявлениях добра и зла во всех ипостасях.

*Он люто ненавидел термин «жрать» –
сырую нефть, надежду, судьбы, баксы,
где власть лежит на всём кислотной кляксой,
подшипники истачивает ржа,
и где из глины в проклятом гробу
опять встаёт неистребимый Голем...
Как часто он благодарил судьбу,
что не стрелял и слать на смерть не волен.*

*А что любил? Любил дрова колоть,
чтоб звук был полон. Утреннее солнце
и лунный перламутровый ломоть.
Грозу и снег. Живые волокна,
протянутые в завтра. Трель щегла,
Тынянова и горные поляны,
и женщину, которая могла
умножить звук и смысл – и быть желанной*

Стихи отличаются редкостной цельностью. Даже модной сегодня, вполне приемлемой и симпатичной фрагментарности, фасеточности в них нет, автору хватает поэтического дыхания на ровный огонь длинного логичного и живого стихотворения.

Блестящая риторическая структура этих стихов нигде не мешает их музыкальности, что вообще сложно, мы привыкли в большинстве случаев, что эти два фактора исключают друг друга. Но вот смотрите:

*Не темпера, не акварель, не сангина
смирненно творили цветок георгина,
но плотное масло, мазок за мазком.
Он алый, как крест на плаще паладина,
и темно-багрова его середина,
и с плотью планеты извечно едина,
и звездам он тоже знаком.*

«Муза венчает славу, а слава музу» – сказано не об этой книге. «Логика войны», милитаризм, шовинистическая самолюбленность развенчаны Соболевым безжалостно и саркастично в «Ну-ка, грохни, Митральеза!», «Багровом этюде», «Бурой балладе», в апокалиптической «Сверхновой». А цинизм власть предрежащих изобличён им в «Обезьянах», в пронзительном «Массаракше», в давшем название этой книге «Между волком и собакой».

Главное – человек. Не идея, не завоевание любой ценой. Никакая цель не стоит человеческой крови – утверждает автор в стихотворении «Иной Арджуна». Что интересно, в этом стихотворении говорит только противоположная сторона – Кришна, он приводит тысячу убедительных аргументов. Но встречается со стороны своего ученика лишь молчаливое «нет» – и это отрицание, это неприятие вражды и войны между вчерашними братьями побеждает.

Его стихи совершенно естественно встраивают человеческую жизнь в прошлое и в будущее. Там для автора ни в коем случае не две тёмных неизвестности – а сложная структура, которая зависит от наших сегодняшних поступков, которой определяется сегодняшнее наше бытие. И поэзия, слово как действие тоже это будущее определяет:

*Но то, что здесь вызревало (и станет большим там) –
немалое утешенье в путях неисповедимых.*

*Да славятся те, кто слово привил к твоим устам,
да будет за нас приветлив и милостив к ним Единый.*

Почти в каждом из стихотворений сборника камера то надвигается, то отдаляется. Поэт переход от роскошного крупного плана, с милыми сердцу деталями и подробностями:

*Ноль часов по Москве. Новый год родился из пены!
Фонтанируют магний, шампанское и Петросян.
В морозильнике – стужа. Духовка подобна мартену.
Из неё ароматы – и жареный гусь на сносях!*

– к общему, общечеловеческому, а там и космическому:

*Громяхают петарды. Резвятся и тешатся люди,
карусельно кружась на спечённом для них колобке...
Полюса шевелятся, и видно с летающих блюдец,
как магнитные вихри играют Землёй в бильбоке.*

Камера в книге перемещается постоянно, логика действия отдельных деталей подтверждается общими законами – и природными, и философскими, и мистическими, настоящее логично вытекает из прошлого, а будущее – из настоящего, картина мировоззрения автора раскрывается связной, подробно прописанной, страшной и прекрасной. Никакого умолчания, для автора нет закрытых тем, но язык повествования неизменно сложный и возвышенный, это высоколобые, интеллектуальные стихи. Но ни в коем случае не сухо-отстранённые, автор живо вовлечён эмоционально в поднимаемые им проблемы. Кроме несомненных поэтических достоинств этой книги она обладает ещё и редкими качествами энергичности и содержательности, помогает современнику осмыслить происходящее и решиться на верные шаги.

Самого автора мы почти не видим, Соболев не очень любит говорить о себе, разве что изредка, с неизменной самоиронией.

Кто ясно мыслит – ясно излагает. Язык этой книги отличается широтой и многообразием. Здесь и специальные термины, помогающие описать перемещение воздушных масс или тонкие мистические слои, здесь и кондовые полузабытые русские понятия, и современная богатая и образная речь хорошо образованного в разных областях нашего современника.

Назвать всё происходящее в настоящем, прошлом и будущем его истинным именем, открыть «таинственный код», смысл, сверхзадачу каждого явления – вот достойная поэта миссия. И когда случается это сделать – возникший резонанс развернётся широким воздушным потоком и унесёт найденное тобой, твоё – и уже не твоё – слово.

*Смотри, как оно восходит в холодный покой,
земле оставляя тугу, маяту человечью –
широкой спиралью над временем, речками, речью,
над нашей по ясному смыслу тёмной тоской!*

Ольга Андреева

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

А В Т О Г Р А Ф Ы

ИСКАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Давно не что ни вождей, ни чина.
Но есть в миру, что столь многолюден,
не шанс, а, может быть, лишь причина
найти особого **homo ludens***.
Не чудодея и не мессию,
не супермена в седьмом колене,
но человека природной силы
и капитана своих волений.
По искре взгляда, по стилю жеста
искать Зачинщика, VIP-персону,
из тех, кто крепок причинным местом,
умом, пером, мастерком масона;
умеет делать добро, сюрпризы,
попытки, вещи и личный выбор;
кладёт начала, концы и визы,
а то и камни – при слове «рыба»...
И он готов, коли что, к расчёту,
и он спокоен всегда к награде.
А если спросят, какого чёрта
он тут находится и играет,
во что и с кем, из каких коврижек –
таким об этом и знать не надо.

Когда – подале, когда – поближе –
он слышит голос своей монады.
Она, голубушка, лучше знает,
зачем жильём себя наделила,
почём ему эта боль зубная,
которой группы его чернила.
Свою решимость на красном, чётном
и блок, всегда для него опасный,
он ставит именно против чёрта
во всех личинах и ипостасях.
Он дарит миру с себя по нитке,
мешая аду, поодаль рая,
играя Гессе, Шекспира, Шнитке,
судьбой и жизнью своей играя.

.....

* Человек играющий (лат.).

Азарт и смелость сильнее тягот,
но только это не те лекарства,
пока Косая стоит на тяге
и бьёт на выбор себе бекасов.
А значит – верьте или не верьте –
среди забот о любви и корме
играть приходится против смерти
в её отвратной и пошлой форме.

Хотел бы стать не жрецом – скорее
простым статистом его мистерий –
но лишь бы выпел единый реял
над мистагогом и подмастерьем.
Сыграть хоть тайм, непреложно помня,
что в этой лиге хотят не славы,
прийти хоть словом ему на помощь...
Когда маэстро отправят в аут –
играть без правил, играть без судей,
ножу ответить своим дуплетом,
отдав ферзя (да игру, по сути) –
не горевать никогда об этом.

А у надежды – чудная доля:
она старается тихой сапой
оставить отпечатки на ладонях,
позначить лица секретным крапом.
Приметой блёклой и ненадёжной
она кочует по всем обновлениям.
Но мне она – на любой одежде
звездой Давида, тузом бубновым,
шевроном, бляхой и голограммой,
значком партийца, цветами клана.
И вот на прочных и многогранных –
ищу отличку такого плана:
пешком по будням, с горячей плошкой,
(пространство – здешнее, время – наше)
чтобы вести игру не оплошно,
чтобы при встрече своих спознаша.

Храповое колёсико сделало оборот...

По всему небосводу, покрытому частыми тучами,
принимаются к ночи озимые звёзды окучивать
и мотыжат свой тучный и облачный огород.
В полутьме ожидания малозаметны осколки
прошлогодных хрустальных надежд.

Наступающий год
знаменуется скорой отменой неправедных льгот
и несмелым снежком. Всё теперь по-иному, поскольку
на сплетенье широт и долгот,
обернувшихся прочной уловистой сетью,
предлагают жемчужину тысячелетия –
на дрожжах вздорожавший две тысячи энный лот.

Где же тут устоять. Содержимым счетов и заначек
обеспечим покупку, скептический дух приструнив!
Зодиак изменился... Всё будет гораздо иначе,
но рисунки и текст разлетевшихся пеплом страниц
непрерывно запишутся в чёрный магический ящик...
А пока поглядим на цветную морзянку гирлянд
и, прижмурясь – на ангелов, к детям на ёлку летящих
из волшебной страны «Люболанд»...

Ноль часов по Москве. Новый год родился из пены!
Фонтанируют магний, шампанское и Петросян.
В морозильнике – стужа. Духовка подобна мартену.
Из неё ароматы – и жареный гусь на сносях!
Громяхают петарды. Резвятся и тешатся люди,
карусельно кружась на спечённом для них колобке...
Полюса шевелятся, и видно с летающих блюдец,
как магнитные вихри играют Землёй в бильбоке.

Поутру – тишина. Далеко за пределами слуха,
отключенного вместе с экранами в два или в три,
просыпается город – лениво гудящая муха
(или, всё-таки, это внутри?).
Осторожный белесый рассвет погасил фейерверки,
сновидения и фонари,

за гардинами сеется манна (мука? сахарин?),
и наряд короля перед душем проходит примерку.
Обалдевший от здравниц, полночной хмельной болтовни,
телефон не звонит...

Пахнут чай, мандарины, смолистое прошлое сосен,
возле коих сюрпризы лежат:
дед Мороз, не утративший чуткости и куража,
не хотел бы остаться непонятым в этом вопросе.
Нет охоты читать или рифмой бумагу терзать.
В хрустале – шоколадные лакомства Нового Года
и название фабрики – сладкое слово «Свобода» –
составляют доступный эрзац.

Открываем программы TV, надеваем обновы,
хлебосольно встречаем гостей.
И январь на дворе, а пока никаких новостей.
Всё еще впереди.

Мы к чему-то подспудно готовы –
но причастны и радостям зимних каникул, и святкам
с Вифлеемской звездой и рождественской Вестью благой,
и забытому с детства мочёному яблоку в кадке
с ледяною шугой...

Без ангела справа, без четверти два,
в холодную ночь за туманом белёсым
услышишь урочной телеги колёса,
гремящий по улицам старый рыдван.
За столько-то лет о себе возвестив –
кого он везёт, и по чью-то он душу?
Чей сон и биение крови нарушит
его нарастающий речитатив?..
Возок, закопчённый нездешним огнём –
какие химеры его населяют?..

Твоё «санбенито», ларец с векселями
и списком грехов приближаются в нём.
Негромко бренчит ритуальный ланцет
на дне сундука с остальным реквизитом...
И едет в телеге судья-инквизитор,
палач и возница в едином лице.
Он едет тебе воздавать по делам!..

Грохочут колёса по мокрой брусчатке,
по граням поступков, по жизни початку,
благих побуждений булыжным телам.
Всё ближе и ближе, слышней и слышней
телега из первого дантова круга...
Во тьме перед ней, запряжённая цугом,
вихляет четвёрка болотных огней –
извечным путём: от бездонной Реки –
в остывшую жизнь и постылую осень...

Фальцетом поют деревянные оси,
качается шляпа, дрожат огоньки...
Дома, отшатнувшись с дороги, стоят,
и шамкает сумрак: «Подсуден... подсуден!..»
Да есть ли проблема, коль в общей посуде
и добрые зёрна, и скудость твоя...

...И стрелка весов, накренаясь, дрожит,
и мрачно кривится Гроссмейстер успений...
Но, может быть, твой белокрылый успеет
на правую чашу перо положить?..

ОТЧЁТНЫЙ ДЕНЬ

Февраль – сырой, как башмаки в прихожей.
Сезон хандры, смурное бытие.
Дракон линяет. Лезет вон из кожи,
с неодобреньем смотрит на неё.
Тут есть над чем подумать, право слово.
Чего хотел, чего реально смог,
и отчего случился не фартовый
и скучный промежуточный итог?
Не сам себя ли держит на аркане
и чем у нас утешиться готов
покаместь не последний могиканин
помимо доморощенных понтов?

Хоть цвет прически несколько поблек,
он как-то не собрался в Гваделупу,
и, стало быть – приличный человек! –
не кушал черепахового супа.
Бывал женат. Досаднее всего,
что сей париж не стоил люминала,
но бразильянка юная его
кофейными ногами не сжимала.
И к нашим девам он недоприник,
не надыхался миром и сандалом,
хотя, конечно, слышал женский крик
не только в кульминации скандала.

Как уверяют древние китайцы,
он мог копать – а мог и не копать:
узоры папиллярные на пальцах
и так сушили масло. Он кропать
умел разнообразные поделки –
весёлое лихое ремесло! –
когда строка летела лёгкой белкой,
а из глагола дерево росло.

Он верил, как велел его устав.
Каноны оставляя без присмотра,
не знал ни ритуала, ни поста,
но мог и голодать недели по три.

Он не любил брехливую печать.
Ему уздечки были не по сердцу,
но как-то умудрялся сочетать
черты космополита и имперца.

Он люто ненавидел термин «жрать» –
сырую нефть, надежду, судьбы, баксы,
где власть лежит на всём кислотной кляксой,
подшипники истачивает ржа,
и где из глины в проклятом гробу
опять встаёт неистребимый Голем...
Как часто он благодарил судьбу,
что не стрелял и слать на смерть не волен.

А что любил? Любил дрова колоть,
чтоб звук был полон. Утреннее солнце
и лунный перламутровый ломоть.
Грозу и снег. Живые волокнца,
протянутые в завтра. Трель щегла,
Тынянова и горные поляны,
и женщину, которая могла
умножить звук и смысл – и быть желанной.

И были дети. Многого хотел –
но в лучшей теме он не разобрался.
Он не доделал половины дел,
но в половине случаев старался...
И вот, кроя к жилетке рукава,
разглядывая сброшенную кожу,
он знал, что долг придётся отдавать,
не здесь, так позже.

ДРАКОН НА ПОВОДКЕ

НЭЦКЕ

Неукротимость Сатаны
и смерть, играющая в жмурки,
узлом зловещим сплетены
в дракона бронзовой фигурке.

Один бросок – и ты погиб!
Не обмануть грозящей пасти.
Но гребня бешеный изгиб
смирён ошейником шипастым.

Точна причудливая лепка,
и завершённость темы в том,
что жуткий зверь своим хвостом
себя за шею держит крепко...

ВЫГУЛ

Жара над городом висит,
и солнце – мутной кляксой.
По-над обочиной трусит
дракон размером с таксу.

Какой скандал, какой загул
довел его до точки?..
Наверно, чижики сглотнул
заместо царской дочки.

Суров кармический закон
в далеком прошлом драмы,
а наш классический дракон –
на поводке у дамы.

Язык закинут за плечо
тоскливо и устало,
и синеватый дым течёт
из жалкого оскала.

НЕТОПЫРЬ

В мартовском небе, в воздухе хрупком
мчит через звёздный мрак
фея ночная в легкой скорлупке,
сея любовный мак.

Падают зёрна в пенные кубки,
снегом летят на всё...
Фею ночную в тёмной скорлупке
чёрный дракон несёт.

Счастья ли ждёте или сольёте
губ и объятий пыл –
где-то над вами – фея в полёте,
в трепете тонких крыл.

ПАМЯТКА

Делириум тремс* имеет в активе то,
что вдруг исчезает грань. Зоопарк Денницы
с набором рогов и копыт, пятаков, хвостов
сожительство с душой, а не просто мнится.
По слухам, приятного мало. Дверной глазок
в преддверие пекла обычно задёрнут шторкой,
но если туда заглянул хотя бы разок –
так это не глюки, и дверку лучше не торкать.
Но время имеет свойство идти назад.
Хотя бы и близко не пахло зелёным змием –
бездонное «было» вернёт пережитый ад,
и память поднимет чугунные веки Вию.

Мальчонке всего-то исполнилось пять или шесть.
Обычный ребёнок, детство без лишних стрессов,
и вряд ли он был законной добычей бесов,
но речь не об этом... Кошмара чёрная шерсть
его не спросила. Мозги опаливший жар
две ночи подряд служил одному и тому же:
меж этим и тем куда-то делась межа,
оставив ему непосильный посмертный ужас.

...Он был содержимым безумно жуткой тюрьмы,
и тьма была её единственной сутью.
Он был амёбой, кляксой, гримасой тьмы,
в себе заключавшей зыбкое бремя ртути.
Он был существом, пробитым тупой иглой,
беззвучным воплем, агонией и надсадой,
и только животный страх сохранял его –
на долю мига – от будущего распада,
не смерти второй, а вовсе не-бытия.
И зная уже, что края ему не будет,
себя на исходе, дрожало жалкое «я»,
ничем не скреплённое в той крошечной посуде...
Баланс на оси, где малейшей опоры нет,
и судорожный пароксизм эфемерной кожи
угрюмой смолой пропитывал чёрный свет,
и муки секунды с вечностью были схожи.

.....
* Белая горячка.

Он лет через сорок припомнил тот эпизод
и думал печально про опыт, вставший из праха,
узнать не умея, какой уродливый код,
какие грехи эгоизма легли на плаху.
...И был через множество дней предутренний сон.
Там море шумело, на жёлтом песке играя,
и, стоя поодаль, счастливо завидовал он
весёлому братству людей, обещанных раю.

КОНТРМАРШ СКОРПИОНОВ

Когда напасти — заодно, и тянет жёрновом на дно
смешной вопрос «кому все это надо»,
когда дорожка скрючена, когда нарезка скручена —
не прибегай ни к лезвию, ни к яду.

И если факт упрямится, и с ним невмочь управиться,
и идеал явился жалким идиолом —
с улыбкой саркастической веревки синтетической
на шею вместо шарфа не накидывай.

Ты смят, но тем не менее твой дух сопротивления —
твой золотой запас, и ты не тронь его.
Ты существо, которое — двуногое беспёрое,
но всё-таки из рода Скорпионьего.

Бедою покалеченный, когда и делать нечего,
осталось только каяться да маяться —
в упор, во славу вящую встречай судьбу рычащую!
У Скорпионов хвост не поджигается...

На поле поражения и в боли унижения
ты помни, что в крови у Скорпиона
раствор весёлой ярости от юности до старости
содержит вдоволь кобальта и крона.

С пути — да не попятишься.
Плати — и ты расплатишься.
Хоти — и это будет не напрасно.
Хоть жизнь тебе и съездила — горит твое созвездие
огнём осенним, холодно и ясно.

ЗА НАСРЕДДИНОМ

Ты наследовал жизнь — так живи, не спеша.
Ты успеешь узнать, как она хороша.
Пусть касыдой становится образ летучий,
и удачные мысли приносит верша.

Если просит у женщины плоть и душа —
развяжи, не колеблясь, запретов кушак.
Не желающий дать ничего не получит,
да и струсивший взять — безнадежный ишак.

Если то, что тебе подарила судьба —
это крытые крышей четыре столба —
не печалься, что большего ты не имеешь,
ведь зато не имеешь долгов и горба.

Не терзайся с унылой повадкой раба,
что у хана гарем, у соседа арба.
Ты на хлеб и урюк заработать умеешь,
и да будет здоровой твоя худоба!

Пусть ложатся снопы и куётся клинок,
пусть до ночи работает ткацкий станок,
пусть рубаха твоя побелеет от соли,
и устанешь, и будешь порой одинок —

но тебе воздадут полновесной луной,
и любви испытаешь полуденный зной,
теплоту очага и весеннего поля,
родниковой воды поцелуй ледяной.

Да здравствует энергия гримасы!
Да празднует всемирное «Ха-ха»!
Не будем у Олимпа и Парнаса
выклянчивать «божественность» стиха,
вопите валаамовой ослицей,
и автор, и лирический герой!..
Слыхал, что из стихов моих порой
глядят зверей застенчивые лица...

Не отпираюсь. Мы – единой крови:
и брат меньшой внимателен ко мне –
и я быка предпочитаю Jovi*
хотя бы потому, что бык – скромней.
Мои гаранты от любых фиаско!
Когда я помню, как они умны,
когда не оставляю их без ласки
и не лишаю радостей земных,
когда стихи не обращаю в ребус –
мой лебедь носит титул «царь зверей»,
а рак – свистит!.. а щука – рвётся в небо,
ударив плёсом заводь на заре.
Мой пёс – сметлив и к голоду привычен,
мой скунс надёжно охраняет тыл;
и нам годится всякая добыча,
и *каждый зверь печален*, коль остыл.
А если нас в беспутстве обвиняют –
то лишь за то, что в мартовскую ночь
мои кентавры ищут сабинянок,
и фавны от скромного не прочь.

Моих фаланг – мои же мериносы
обучены затаптывать гуртом,
но мой мустанг – узды не переносит...
И, может быть, когда-нибудь потом...
в моём прощальном сне – заглянут в ясли,
где спал однажды мальчик Иисус,
волы, колючек знающие вкус.
И сладок будет сон, глубок и счастлив...

.....
* Юпитер (лат.).

ДОМ НАПРОТИВ

А лет пятьдесят тому начинался май,
сирень занималась, многое было внове.
С набором из глюков, глупостей и любовей
шкатулка судьбы раскрывалась уже сама.

И ночи стояли свежие, как моря,
и страсть к переменам тянула вперёд и выше.
...Когда через тесный люк он попал на крышу,
то некому было мешать или укорять.

Внизу тополей и акаций толпились купы,
и стало другим пространство вокруг и в нём,
и был на четыре стороны окоём,
где вдруг развернулся медленный звёздный купол.

На верхней палубе в переплетенье вант,
среди антенн, надстроек уснувших лифтов
он плыл вперёд, на курсе не было рифов.
Он был себе Ломоносов, Коперник, Кант.

Он знать не знал, к какому приписан порту,
но шёл к удаче, видел цель целиком!
А рядом серийной копией, двойником
другой пассажирский шёл по правому борту.

Светились шторы, съедался вчерашний суп,
подсчитывались потраченные пиастры,
и два корабля эфир держал на весу,
и плыли они в кильватере тьмы per astra*.

Весенняя ночь творила свои дела,
а жажда чудес и жадность души и плоти
искали спасенья в женщине, что была
гола перед сном, и, не чуя того, звала
своим обнажённым телом в окне напротив.

.....
* По звёздам (лат.).

ЮБИЛЕЙНОМУ СЕБЕ

С днём рожденья, рódный! Расти – не хнычь!
Как любил Тарковский в такой денёк,
сочиним-ка бодрый заздравный спич,
сочинять под градусом – наш конёк.
Моему куратору исполать –
миновал эксцессы, обут и сыт.
Так чего же нам себе пожелать
и о чём бы нам теперь попросить?..

– В юбилейный год и в любой другой
будь удачлив, весел, крепок в кости.
Пусть судьба золотой осенней рукой
молодильным яблоком угостит.
Молодильный яблок – славная вещь!
И сейчас, и после, тверёз или пьян –
будь всегда здоров. Оставайся весь,
как оно, румяным и полным семян.

Пусть влетает в денежку бытиё –
хорошо, что в доступе вещный мир.
Он цветёт, растёт, кое-где гниёт,
но совсем не худшая из квартир.
Ничего на блюдечке не несёт,
но ведь нет причины терпеть облом.
В самый раз сегодня забить на всё
и поставить главный вопрос ребром.

Госпожа Фортуна! Ты помнишь знак,
о котором истово я мечтал?
Ты дала его. Неизвестно, как
и в какую форму зальют металл –
только мой прибыток, избыток весь,
пентаграмму жизни, бумажный тлен
с драгоценной нэцкэ уравновесь,
остальной сортамент бери взамен.

СВЯТКИ

Шесть часов у сна, у тишины,
льна и накрахмаленного ситца.
Снег упал. И, снова прощены,
к небу в гости можем попроситься.

А не то – плениться январём,
причаститься этой ночи ранней,
во дворе, под сонным фонарём,
нагрести блескучих острых граней
и потом от крохотных кресал
зажигать рождественские свечи.
...Эту ночь вчера живописал,
а сегодня – чайнная встреча.

Тише... тише... гаснут голоса,
остывают лампочки и строчки,
снежный свет скользит по волосам,
отменив пустые заморочки,
и рекламы клёкот чумовой,
и дверных электроканареек...
А в прогалах туч над головой
всё сильнее звёзды январеют.

ПОНТИЙСКИЕ ФРАГМЕНТЫ

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Мир уже создан: врезаны в зыби края и мысы,
плавают тучи, резвые рыбы... Только измыслен –
он уже дышит, свеж и огромен.
Пляжа на грани
мускулов пенных злыми буграми море играет.

Людное место здесь, под неслабо греющим солнцем!
Не утерпела б, не обошла бы кисть барбизонца
гладких девчонок, лакомых женщин, прочей массовки –
всех, кто издревле небу обещан, с Лика срисован.

Экипировка – три лоскута и пара тесёмок!..
Татуировка – узел хвоста лихого бесёнка.
И – пропадаешь ни за полушку: дремлющий с виду,
млеешь, прохвачен с пят до макушки знойным либидо,
линией бёдер – той, волоокой, медноволосой...

...Лупит о берег, в надолбы, блоки, скалы, откосы,
и забулдыгой, шарящим слепо дырку в заборе,
пробует прочность каменной лепки Чёрное море.
Шваркает гулко, шаркает глухо, ломит солому,
лепит стотонные оплеухи в цепь волноломов.

Возгласы чаек и человеков. Ветер и воля!..
запах самшита и чебурека, йода и соли.
Мир – населён, и он веселится плотским весельем,
семенем жизни, как чечевицей, густо засеян.
Близок венец трудов эпохальных – sanday и sontag*.
Так что и мы теперь отдыхаем, с Понтом – под зóнтом!..

* Воскресенье (англ., нем.).

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Я ступаю по хрусткой гальке. Галька взъерошена
шестибалльным вчерашним штормом. Волн кучеря.
Хризолитов и халцедонов светят горошины,
припасённые посеидоновым дочерям.

Завиток рапана разбитого ал и ярок.
Тёмной зелени томность. Есть на что поглазеть!
Молодой аквилон пасёт тонкорунных ярок
и полощет душу в индиго и бирюзе.

«Коля с Людой здесь были» – гласит граффити наскальное.
Мира вам, соплеменники! Здравствуй, великий Ра!..
Я бреду по берегу, занят богоискательством,
я ищу куриного бога в который раз.

Загорелый, поджарый, довольно-таки валидный –
я иду вдоль моря. Так мысли мои светлы,
так чисты стихии, что на небе звёзды видно,
а на дне – жемчужницы, стоит чуть-чуть заплыть.

Мельтешат золотинки, искринки с «Чёрного принца»*,
вызревают икринки счастья в лёгкой волне...
Вот он, принцип духа в материи, Вечный Принцип!
И напрасно искать, где бы он явился полней.

Подмалёвок?.. эскиз... гениальный Рая набросок! –
этот мир пропитан волшебным живым огнём.
Несомненно, сегодня мне встретится бог неброский
и глазком куриным приветливо подмигнёт.

* Корабль, затонувший с грузом золота.

МЕДИТАЦИЯ НА КРАСНОМ ГЕОРГИНЕ

В осеннего воздуха медленный ток
небрежной рукой вплетена паутина,
и мощный, раскидистый куст георгина
венчает прекрасный цветок.

Как слизень, в слепом летаргическом трансе
сквозь влажные дебри пластинчатой чащи
свое существо незаметно влачащий –
так взгляд, замирая на каждом нюансе,
скользит осторожно по зелени темной,
вдоль русел прозрачного терпкого сока,
сквозь тени и блики восходит истомно
к цветку без греха и порока.

Не темпера, не акварель, не сангина
смирненно творили цветок георгина,
но плотное масло, мазок за мазком.
Он алый, как крест на плаще паладина,
и темно-багрова его середина,
и с плотью планеты извечно едина,
и звездам он тоже знаком.

Он в душу вмещается полно и сразу,
и в ней позабытый восторг воскресает,
и пиршество глаза – на грани экстаза,
когда откровением вдруг потрясают
отшельника – лики на створках киота,
а кантора – громы классической фуги,
спартанца – кровавая рана илота,
любовника – лоно подруги.

Он цвета любви, полыхающей яро,
родник нестерпимого красного жара...
И поздние пчелы стремятся к летку,
вкусив от его бескорыстного дара,
и солнце – сверкающей каплей нектара,
и первая чакра моя, муладхара,
раскрыта навстречу цветку.

Туман... туман... Сырая пелена
грунтует холст...
Полста вторая осень
сезонной меланхолии полна.
Белёсый воздух плотен.

Иглы сосен
его сгущают в бусины, да так,
что каждая надета на хвоину,
принадлежа ветвям наполовину,
но тяготея к травам. Это знак,
что нам уже не светит бабье лето...

Иные кроны догола раздеты,
а рядом – шамаханская парча,
этюд в академическом альбоме
за тонким слоем кальки.

И любое
движение: скольжение грача,
неторопливый клочок печного дыма,
грибами порастающий пенёк –
от мутного белка неотделимы.

Летит неяркий жёлтый огонёк,
за ним летит через минуту новый...
Паучья сеть становится основой
для ткани медитации, устав
висеть без дела... бисерные нитки
растянуты на лозах...

Две улитки
на ложе виноградного листа
осенних чувств испытывают прелесть
и делают, что в голову взбрело,
под кисеёй тумана, в нежной прели
преображаясь в чувственный бредок.

В природу запустенье внедрено...
Лежат лужаек рваные татами,
где колтуны примятых бурьянов
привычно вспоминаются цветами,

30

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

АВТОГРАФЫ

31

но, впитывая утреннюю мглу,
цветут – *ты не поверишь!* – анемоны,
друг другу уступая церемонно
последнюю бездомную пчелу.

...Вот новый лист по воздуху несёт,
сбирает лепту время, строгий мытарь.
Всё млечно, растушёвано, размыто
и тихо всё...

ВИНОГРАД

Утречко октябрьское сыро и пасмурно.
Ночь неторопливо снимает покров
с гроздьев кабошонов под сизую патиной,
с бусин драгоценных овальных миров.

Розовыми лозами осень увенчана,
жалована лучшей из славных наград.
Щедрый, как надежда, и сладкий, как женщина,
в воздухе туманном висит виноград.

Сад мой, вертоград мой унылым не кажется.
Кончилась повинность копать да полоть,
вызревшими каплями, ягодой каждою
светится его благодарная плоть.

Сроков не отменишь. Редееет над светочем
зазимком прибитый поникший наряд.
Листья обвисают истлевшею ветошью,
но, разоблачённый – висит виноград!

Кисти налились аметистовым бременем,
соками суглинка, водой кочевой.
Скорби виноградарей, злое безвременье –
всё-то повидал, всё ему ничего.

Что ему долги, о которых забыли мы? –
новые на землю сойдут времена,
было бы лучше золотых изобилие,
ждали бы кувшины густого вина.

ОТРЫВОК ОСЕННЕЙ НОЧИ

...скатилось за кайму – и съедено кайманом,
и ночь сошла ко мне...

На россыпи светил, подёрнутых туманом, –
сгорающих камней
мгновенные следы.

Под шелест монотонный,
с мерцающим «прости...»,
летят к пустым садам осколки Фазтона
по Млечному Пути.

Не могут погодить, на час уgomониться
кусачие шмели,
кусочки на лету разбитой колесницы
ровесника Земли.
И доблестно, под стать сеньору из Ламанчи,
навстречу мчимся мы,
а свет окрестных звезд неярк и обманчив,
и скоростью размыт.....

КАК У ПТАШКИ КРЫЛЬЯ

...Когда хотелось чувство оттенить
на фоне увлечения, на лоне
любви – бывало, руку протяни –
и пара строф затеплится в ладони.

Но что-то я давненько не пишу...
Потенция – потенцией, а всё же
кинетика желательна на ложе
поэзии. Любому шалашу,
укрывшему меня с моей милашкой,
я был бы рад... И будет ночь нежна,
когда одна она тебе нужна –
да кофе чашка.

Годятся также пустошь или лес,
но только чтобы ни единой рожи,
готовой неприятно потревожить
в интимном сочетании словес
двоих, соединившихся под знаком
свободной страсти. Как закон, двояка,
любовь – *законов всех она сильнее*.
Любимец музы, не зевай! Однако,
удобства ради не женись на ней
«законным» браком.

Не то – кранты, финита – и абзац
не протащить в анапеста фильеру,
и знай – гребь, обслуживай галеру...
Тогда стихов янтарная сабза
из лакомства – дежурным станет блюдом,
и твой кураж окажется под спудом,
и будут стекловатой облака,
а серебро степного родника –
простой полудой.
Оберегай свободу! Принцип сей
тебе полезен вовсе не для блуда.
Ослабнешь под напором пересудов,
во имя замирения гусей –
и будь ты хоть подкован, хоть обут –
придётся ту, которая двояка,

переть с досадой племенного яка
на собственном горбу.

А так... Луна сегодня в Скорпионе,
и сумрак тихо к улицам прильнул,
и внутренний посыл ещё не понят,
но рядом – лист бумаги... Ну же, ну!..
И я невольно руку протяну:
урочный час... и никого в гостинной...
и где-то счастлив скорпион пустынный,
облапивший луну.

PRESTO

Не дождёшься за нас тоста
на банкетах в пивных трестах,
но приличного мы роста,
и на форуме нам место!

Не хотелось бы нам хвастать,
а таланта у нас – вдосталь.
Мы могучая, блин, каста!
и расти нам годов дó ста.

Пусть в кармане подчас пусто,
да на курсе у нас чисто.
Мы не ждём для себя бюстов,
и не слушаем мы свиста.

Из особого мы теста,
но лисицам не съесть – баста!
Мы – в основе, а не «вместо»,
хоть повыше и дрянь часто.

А шедевры лепить – просто.
Надо лишь замесить густо.
Ибо нет на стихи ГОСТа,
как на авторов – нет дуста!

Сограждане!.. Коллеги!.. Господа!..
Товарищи (простите за архаику)...
Не надо слабых авторов охаивать,
послушайте, пожалуйста, сюда.
Не сведущим, как должно, в языке
труднее, чем изысканным и метким.
Возьмите за основу этикет,
не торопитесь клеить этикетки!

Ночной порой, в сумбуре дел дневных –
они под игом страсти всемогущей,
творениями их наводнены
словесности развесистые куши,
а вкус лишь иногда ночует там...
всё так... *Но уважайте чувство вчуже,*
и не швыряйте камни по кустам,
намереваясь подшибить пичужек.
Оставьте им надежду на успех!

Решил неаттестованный любитель
сказать в защиту тех, кто не успел,
не вышел на высокую орбиту,
но, обретаясь в домике саманном,
мечтает сделать хижину дворцом...
В защиту наших братьев-«графоманов»
и одного, кто был моим отцом.

Искандер, эти реки тесны и горьки для того...
Ольга Андреева

Свет мой, Оля, пригубить любимый тобою размер –
как тенями совпасть на негреющем солнце предзимнем
или почку стиха обнаружить на чёрной лозине,
запасая терпение к долгой суровой зиме.
И однажды, в промозглую оттепель, коли суметь –
развернётся, зелёная, на углежога корзине,
и бессмертной улыбкой сквозь слёзы Джульетты Мазины
переменится к лучшему жизни дурная комедь.

...Это правда, что тесно и горько. Но верно и то,
что речушки горьки оттого, что предчувствуют море.
По уклону судьбы, по излучинам их траекторий
мы вольёмся в иной грандиозный и грозный поток.
«Камень, брошенный в воду, всегда попадает в мишень...»
Примечательный факт. Очевидно, мы целимся точно.
Всё случится: стоим ли ещё над водою проточной,
утоляем ли жажду, хоть нету напитка горшей.

Берегами бродя, отложив океан «на потом»,
или в реку войдя, оступаясь в стремительной влаге –
на каком опрометчивом и предуказанном шаге
отдадимся течению, руки раскинув крестом?..

ИЗ АРБЕНА КАРДАША

ОСТАНЬСЯ СОБОЙ

Меняется мир, как во сне,
и все человечество – тоже.
Ни совесть, ни честь не в цене,
и смысл устремлений ничтожен.
И нет никого на нелегком пути,
к кому обратишься в печали любой...
Но душу унынием не замути,
останься собой.

И клятвы мужские пусты,
в делах – ни размаха, ни соли,
а женщин, забывших про стыд,
игла нетерпения колет.
И власть прибирают лукавством ума
крадущие, лгущие наперебой...
Но совесть свою о соблазн не ломай,
останься собой.

В дорогу!.. Пройди перевал,
отправься к далёкому морю,
частицей всего, где бывал,
себя ощути на просторе!
Ведь прежнее солнце блестит с высоты,
и так же широк небосвод голубой,
деревья и птицы с тобою «на ты»!
Останься собой.

Природы апостолом став,
миры для грядущей Вселенной
на чистом пространстве листа
твори для себя вдохновенно.
Но помни, что это не даст барыша,
достойно мирись со скупой судьбой.
Поэт зачастую живет без гроша.
Останься собой...

Ты слабости мира поймешь,
но их не пускай на бумагу,
а верным пером преумножь
любовь, окрыленность, отвагу,
и жизни, где ценят духовности свет,
отдай просветленного сердца любовь.
Сверяйся с бессмертной душою, поэт!
Останься собой!

И если умрешь, одинок,
печаль не увидев на лицах,
и если с твоей сединой
ни род, ни народ не простится, –
не сетуй на жизнь. Ведь она не была
бесплодным трудом и чужою рабой.
Рассеявшись прахом, сгорая дотла –
останься собой.

И память о сути твоей
разделят с тобою по праву
дороги, просторы полей,
пустыни, альпийские травы,
и строки, которые, слив голоса,
с листа прозвучали победной трубой,
и Те, кто открыл для тебя небеса...
Останься собой.

О ПОЭТЕ ШИХНЕСИРЕ

Лезгинской мудрости урок гласит: «У старшего в роду
спроси совета.
А нет – у ранней седины, у друга, знавшего беду,
спроси совета
А не найдёшь – у валуна, который обточили льды,
спроси совета,
У первой влажной борозды, у горной пенистой воды
спроси совета».

А я стараюсь у того, кто сердце рифмой разбудил,
просить совета,
Пусть нет его среди живых – но у тропы, где он ходил,
просить совета,
У эха отзвучавших слов, которых помню ритм и слог,
просить совета,
У камня с именем его, который в изголовье лёг,
просить совета.
Но если трудно станет вдруг тебе, от мест родных вдали,
просить совета –
тогда найди и собери, как редкий дар своей земли,
стихи Поэта.
Там есть и камень, и ручей, и борозды весенней бег,
в строфе чеканной,
И в них живет уже навек седой и мудрый человек
из Лезгистана...
И сам поэт в стихах живет. И жизни слышится напор
в звенящих строках.
Его тропа вплелась в узор таких же троп на склонах гор,
в заветных строках,
И слышен в них гортанный зов, позвонче многих голосов
звучать способный,
И муж – и мальчик там босой... И плачет утренней росой
чинар надгробный...

У друга с белой головой, у старца, камня и реки
спроси совета,
Спроси у дерева того, и у всегда живой строки
спроси совета –
и дом не оскудеет твой, и дух, достойный этих книг,
не станет сирым!
Счастливцев ты, нашедший их, открывший мудрости родник
у Шихнесира...

ИЗ РИММЫ АВАНЕСЯН

ГОРА

*Я – армянин. Я стар, как Арарат,
и башмаки мои от вод Потопа влажны.*
Геворк Эмин

1.

Кружевные утёсы, туманы лесов,
безысходности давняя тема...
Снеговым полотном закрывает лицо
великан – отчуждённо и немо.

Тишина и безлюдье расщелин и скал
и отроги, поросшие синим...
От зубчатой гряды наплывает тоска,
как от ветки безлистной в пустыне.

День прошёл. На горах – умирающий свет...
Их томление неразрешимо.
Но алмазно сияет в своём торжестве,
доставая до солнца, Вершина!

Охвативший полнеба, в венце облаков,
на заре или в час полудённый –
богоданное имя несёт высоко
Арарат, Армянином рождённый.

*А перед тем я всё-таки увидел
библейской скатертью богатый Арарат.*
Геворк Эмин

2.

...Она, моя гора! И только армянин
так мог сказать о ней...
Сияющий коралл над дымкою равнин –

её снега и льды. И первыми они
вбирают краски дней.
Чеканной кромки блеск тревожит и манит,
чем дальше – тем сильней.

Стремящаяся ввысь, далёкая, как рай,
понятная, как друг –
застенчиво тиха, когда скалистый край
вуаль накинёт вдруг.
Плывущая к тебе туманная гора
смыкает мыслей круг
о том, что мы – бойцы, вершины – нам родня,
а память – наш оплот.
И мудрости отцов – священного огня –
у нас не отберёт
вся боль сердечных ран, что каждому из нас
судьбою суждена.
И кровью запеклись – печаль армянских глаз,
святые имена...
Далёкая мечта, томящая всегда,
настолько велика,
что канувшие в грусть минувшие года
уже равны векам.

Но есть надежда в нас.
Найдя у смерти брод,
не сдался, не погас –
творит себя народ.
Он любит жизнь, и вот –
живёт!

ВЕРСИЯ

Когда захочет ушедший гений
найти дорогу из мира тени
для строк, которых не довершил,

то некий автор, живущий ныне,
наивно верит в своей гордыне,
что это – перлы его души.

Но в этот раз он простой спирт,
пускай и послано это свыше,
пустой тростник в камышовой крыше,
и ветра прихотью он творит.

Любимец муз и певец харит,
он ловит шёпот, дыханья тише,
и мысли тех, кто уже не дышит,
но кто пером его говорит.

◇ ◇ ◇
«Осенний крик ястреба»
И. Бродский

1.

...Наряду с другими – и нашего брата-
поэта смущающий странностью голоса,
он когда-то был persona non grata,
но, возможно, был и посланцем Логоса.
Из статьи о нём (для многих – кумире),
написанной до того, как его похоронят:
«Противостояние человека жёсткому миру
осмыслено в духе романтической иронии».
Уникальность этого эстетического факта
обусловлена неповторимостью автора.
Уберём же предвзятости катаракту
и оценим факт из ближайшего «завтра».
Он звучит привычному вопреки,
игнорируя нормы во многих случаях,
и порезаться можно на сколе строки,
и висят абордажные рифмы-крючья.
Он внедряется в память – и раной саднит,
он какой-то жестокий секрет постиг,
оставаясь при этом только одним
из бесчисленных срезов реальности.

2.

...Далеко от Нью-Йорка и Сан-Диего,
и от прерий, затканых ковылём,
где в избытке снега – но только снега,
где скребёт о мели паковый лёд,
где и летом не щедро солнце к природе,
а зимой – лишь складчатые миражи,
иногда отрешённым сознанием бродит
тот, который с бродяжьей фамилией жил;
той же нации, но не из тех людей,
что опять покупают в Намибии копии:
препаратор фразы, поэт-иудей,
безразличный к попыткам офсетных копий

со стилистики нобелевского лауреата,
равнодушный к всемирному «гран-мерси».

...Голубой бриллиант в девятьсот каратов
на канадском чёрном небе висит.
Льётся чёрная тьма из Большого Ковша,
сыплет с Млечной Тропы молоко сухое
в эту тьму, где неровно мерцает душа,
не нашедшая в жизни себе покоя.
И молчания песня – как долгий вой
над волнистым пространством сухого снега,
под луной, ледяным бессмертьем большой...
И алмазный шип – безумная Вега
умножается в блеске сионских звёзд,
в мириадах кристаллов, готовых вспыхнуть.

Длятся тени, упавшие в полный рост,
длятся скалы, лиственницы и пихты,
из прорехи времени выпавший цент, –
длится миг между «будет» и «только что спето»,
и почти не заметен рашен-акцент
у равнин, облитых алмазным светом,
но отсюда ближе к цепочке дюн.

Там такой же снег с таким же альбедо,
там он был – и был беззащитно-юн,
там живет не забытая им обида –
только память, без доли телесного брутто –
неостывшим, давним, усталым горем...
Ястребиный пух из Коннектикута
порошит из туч над Балтийским морем.

46

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

АВТОГРАФЫ

47

ПРЕДСТОЯНИЕ

Как не призадуматься о слоге лаконичном.
Сила краткой фразы умножается стократ,
если с нею на устах умирает личность –
Леонардо и Рабле, Гёте и Сократ.

Вот, цикутой вскорости от тела исцелённый
(к мудрости Сократов демократия глуха),
вымолвил единственный на сотню миллионов:
«Не забудь Асклепию в жертву петуха».

А когда Вольтеру облегчить пытались бремя,
призывали дьявола в душе не сберегать –
бросил ядовито, что теперь не то, мол, время,
чтобы наживать себе нового врага.

Где, когда и что на посошок тебе подарят –
тут уж как придётся, а со смертью не балуй,
а впрочем...

«Я готова, мальчики!» – сказала Мата Хари,
отослав шеренге воздушный поцелуй.

Может быть, конец пути и впрямь дела венчает.
«Пульс пропал» – отметил Грин*, как следует врачу.
И Антуанетта: «О, простите, я случайно...» –
наступив неловко на ногу палачу.

Вспоминается порой о них, уже не прежних.
Там никак не передёрнешь, будь ты трижды плут.
Эдвард Григ сказал: «Ну что же, если неизбежно...»
а философ Кант сказал: «Das ist gut».

.....
* Джозеф Грин, знаменитый хирург.

РЕПЕТИЦИЯ ОТПЛЫТИЯ

Снилось – не снилось... В дремоте разума –
прямо со сцены – спешим на пристань...
Труппа сегодня проводы празднует
провинциального – но артиста.
Эта гастроль не дала ни рублика,
пьеса, однако, стоила риска.
Всех благ, добрая публика,
я задержался, но здесь – близко.

... Трап – убран, качается палуба.
Лепту – стюарду, паспорт – в компостер.
Тут ни присесть, ни поесть, и, стало быть,
мы на борту недолгие гости.
На руки – бирку с моей фамилией,
медный квадратик, где даты выбиты.
... Тёмную длань кладет на кормило
наш перевозчик, до блеска выбритый.

Звон рынды... Лики и венчики...
Кто-то платочком заплаканным машет.
Пляшут у борта пёстрые венчики
с чётным числом гвоздик и ромашек.
Волны забвения... Мыслей пунктиры:
– Не избалован был бенефисами...
– В общем-то, вовремя...

Только в квартире
жмется в углу стишок недописанный.
В тапки хозяйские тычется мордочкой,
тихо скулит в передней под вешалкой.
Ни поминальной лапши, ни водочки
нет недоростку осиротевшему.
Впрочем, для прочих много настряпано.
Милости просим всех провожающих.
Вот и пирог на чистенькой тряпочке,
масляным боком свет отражающий,
не именинный, но и не свадебный.
(Ломтик оставят – вечер-то чей?)

Сосредоточься – и вот он, на́ тебе –
в ласковых бликах церковных свечей.

...Мой капитан, похожий на Беринга,
я по воде отпускаю пирог!
Может, пока что – за ним, вдоль берега?..
Что же ты держишь руль поперёк?..

КУКУШКА

Пахнет лето смородиной, сорванным яблоком,
и соседским тельцом, и привядшим сенцом,
и тоскует кукушка, каким-нибудь зябликам
поручившая сдуру родное яйцо.
И не стоило, может быть, рифмы подвёрстывать,
по банальному поводу тратить строку –
столько их извели на разбойницу пёструю,
бередящую душу протяжным «ку-ку».
Но душа, ускользая в зелёное, влажное,
где кричит-не устанет беспутная мать,
полагает такие резоны неважными:
приказала – и ты начинаешь считать.

...И попробуй не верить кукушкам и женщинам,
если глупая птица от летних щедрот
долистала остаток, цыганкой обещанный,
и, секунду помедлив, добавила год!
И молчит... обещает большие каникулы...
Но потом, ради праздника, теша сердца,
оглашает Вселенскую Тайну великую,
и для всех загадавших – бессмертие кликает,
и кукует, кукует... уже без конца...

БАЛЛАДА О НОВОМ ДОМЕ

Наталье Борисовне Апушкиной

На шумной улице в центре жила поэт.
За окнами жил из стен и витрин коллаж.
Хоть ноги служили плохо, но много лет
она взбиралась на свой четвертый этаж.
Там книжным полкам мешал старомодный шкаф,
и сложно бывало тем, кто широк в кости.
Там даже стул старался исподтишка
изрядную долю площади обрести.
А к ней ходили, писали в её альбом,
был чай, стихи и беседа, сейчас и тут.
Её любили многие. Этот дом
охотно вмещал гостей в свою тесноту.

Он с ней говорил порою про *тот свет*.
Ну, как же без этого, коли о Слове речь.
Она сомневалась, мол, есть ли что или нет –
а только вернее реальность стихом беречь.
Она жила, ничего не копя впрок.
Ей было не просто, но светом жила душа...
Она ушла, потому что пришёл срок,
и сердцу уже не по силам стало дышать.

Звонок из больницы, краток и деловит.
Сказали недоумённо, что так и так,
что утром и приезжайте, что морг открыт
с такого-то часа.
Квартира стала пуста.
Был тяжкий вечер. Он кому-то звонил,
и кто-то не мог поверить такой беде.
Настало горькое «вдруг», не хватало сил
принять философски обычный итог судеб.
И не было легче от мысли про мир иной,
и тело томил какой-то глухой гул,
и он отзывался такой же глухой виной,
но было поздно. И он, наконец, уснул.

...Просторная комната солнцем была полна,
и в нём, золотом, одиноко стоял диван.

На этом диване опять сидела она,
и он понимал, что на праздник радости зван.
Что это начало, а не конец пути,
что здесь промежуточный финиш, а не финал,
и что вот теперь-то будет всегда везти!..
И он, шутя, с облегчением ей пенял:
– И где Ваш скепсис? Вот новой жизни ручей,
вот новый мир, и он, похоже, на ять!
Она отвечала весело в том ключе,
что где уж заранее схему процесса знать.

Лежал за окном зелёный и свежий луг,
к окну и двери пологий всходил склон,
и было тепло по-летнему. Только вдруг
двух женщин, по лугу идущих, увидел он.
И было ясно, куда они и к кому.
Они подходили споро, пока поврозь,
и первая улыбнулась мельком ему,
открыла дверь – и разом всё пресеклось.

...При жизни она умела делать дома,
и этот новый, впусивший бабку и мать,
за малое время успела создать сама,
чтоб было удобно в нём гостей принимать.

*Душа моя! Гостя ты мира:
Не ты ли перната сия?..*

Гаврила Державин, «Ласточка»

Как умирают ласточки? Где их находит небыль?
С чем прощаются наскоро у обжитых застрех?..
Вечер стирает ластиком росчерки крыльев с неба,
ночь отпускает ласково им первородный грех.

В зыби морские падают? Или в зените прячутся
острые тени ласточек, лист судьбы исписав?..
Весь зодиак – лампадами маленьким ловким фразникам,
и отправляем весточки с ними на небеса...

Кто их встречает радостно за белопенным облаком,
за хрустальными горними, где неизменный май?..
Может быть, добрый Андерсен, или в ангельском облике
стаи стрижей и горлинок им посылает рай.

Николаю Михайловичу Скрябину

Он убежал трагической чепухи.
Встретит его пейзажей цепь золотая,
музыка сфер в ответ на его стихи...
Красок, во всяком случае, там хватает.

Он принесёт туда неделимый дар
ведения добра и его творенья.
Вставший *над вечным покоем* высокий яр
будет ему границей невзгод и прений.

Лучшее – наше, моё – на прощанье – Вам,
знавшему эту скромную авансцену.
Вашей часовни свет на дороге в храм
стоит судьбы, заломившей такую цену.

БАЛЛАДА ОБ ИМЕНИ

Солдатам и офицерам Плесеца

Ты можешь словом заковать огонь? Хотя – не об этом речь...
Однажды прислали на полигон
летучую Рыбу-меч.
Солдатик-техник, из тех ребят, ревнующих к небесам –
он имя подруги, её любя,
на корпусе написал.
И вот, дохнув огнём горячо, светя миллиардом свеч,
ушла в поднебесье крутой свечой
летучая Рыба-меч.

И снова секции головной нацелили остріе,
и слово «Таня» белело вновь
на корпусе у неё.
И кто-то пришлый, из важных лиц, настойчивый в мелочах,
на старт явился с проверкой-блиц –
заслушать и замечать.
Он был педант, и он приказал следить неуклонно впредь,
чтоб так не баловалась «кирза».
А имя велел стереть.

При слове «Пуск» ухмыльнулся рок одним из кошмарных рыл:
он вырвал ракете её нутро –
и кратер жерло раскрыл.
Шатнуло громом лесную глушь, плеснула заря за край,
и много мужских небезгрешных душ
отправилось прямо в рай...

Был новый запуск. Потом другой... И милостив был Господь,
и был послушен теперь огонь,
спаливший живую плоть.
Но каждый борт непреложно нёс способное уберечь
простое имя, что так всерьёз
присвоила Рыба-меч.

У
Р
О
В
Н
И

56

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

Оставив Город-за-Рекой, шагни с перрона
в беспечный ласковый покой, где тень и кроны.
Где, смяв шагреновый клочок – листок билета,
ты попадаешься в сачок донского лета!
Оно стрекозами звенит, легко и пряно
распространяется в зенит в потоках праны,
и, жаркой свежести полно, встречает гостя,
и зреет новое вино в прозрачных гроздьях.

А перед тем – как никогда: одни осадки!
Пока не кончилась вода в небесной кадке –
во всякий час, уж раз пошло такое дело,
езде сверкало и лило, текло, гремело...
Но как ни буйствуй, как ни лей – просохли тропки.
Еще достаточно углей у солнца в топке.
Пылает день!.. А всё равно – роскошной кучей,
сырым серебряным руном – воздвиглись тучи,
из лучезарной чистоты блистая пышно...
и славят птицы и цветы Христа и Кришну!..

А хуторок лежит большим эдемским садом.
Здесь всё целебно для души и все как надо:
Сосед под пьяненький предлог бранится с жинкой,
кузнечик скачет из-под ног цветной пружинкой,
стрижи, пикируя с высот, плетут виньетки,
жердёлы прыгают в осот с ладони ветки,
и лезут стебли и грибы под тёплым светом...
И так легко про всё забыть – и кануть в Лето.

Начнем с заката. Янтарным стеклом
померкли запада створки.
Багровый шар осел за село,
проплавив земную корку.
И стало глуше, прохладней, темней,
и вот со спокойной грацией
выходит ночь из свежих сеней
терновников и акации.
Ее приходом сполна извиняется
весь день с суетой без роздыха,
борьба Земли и Огня сменяется
союзом Воды и Воздуха.
Да будет ночь! Ребятишки усталые
заснули легко и скоро,
и ночь к борщам на столы поставила
любовный плод – rom-i-d'ого.
Она ароматными пахнет травами,
звенит у колодцев ведрами,
привычно ведет ладони шершавые
между грудями и бедрами...
Хоть в этом мало высокой эротики,
но ей ли жалеть и каяться?!
Закрыли мальвы округлые ротики –
а ночь цветет-распускается!
А ночь беременна «белым наливом»
во благо широкой публики.

В совхозном саду, как лани, пугливы,
селянки воруют яблоки.
Не прянет звезда с небесного склона,
не крикнет ночная птица.
У каждой с собой – бутылъ самогона,
чтоб было чем откупиться.
Потом до дому, дорогой длинную
пойдут, и ни с кем не встретятся...

Широким шлейфом пыльца полынная
в зените над ними светится.
Большой тишиной залита понемножку
дневная разноголосица,
и в Ночь уткнуться, как в мамку-кошку
душа заблудшая просится.

...Всё – за гранью речённых фраз:
мощно, грозно – и слишком много.
Видишь это, как в первый раз,
как ребёнок, открывший Бога –
светят млечные рукава,
льют запоздавшее к нам былое.
Вдох – и кружатся голова,
степь и неба гиперболоид...

Время звёзд. Запрокинув лицо,
отстраняя ум прозорливый,
смотришь в То, Что было Яйцом
прежде времён, до Большого взрыва,
когда – себе и папа, и мама –
лежало в нём эмбрионом скорченным, –
и впору зарезаться «бритвой Оккама»,
набраться всклянь из Медведицы корчика...

Было ли Слово, венец венцов,
что расколело вселенной дрёму,
произведя истоки концов,
первопричины и палиндромы
«ovo», «oko», «ono» и «bob»,
плюс – светил драгоценное просо?..

Чёрная курица, знак хаоса,
зрелым зерном набивает зоб,
чтобы потом яичко снести.
Жадно лакает галактик лужицы
Лев июля.

И не вместить
сладкий ужас... А небо – кружится!..
Множатся стрелы – и блики зеркал*,
чёрные дыры – и горяня Слава!
И, называющее Отца,
в сердце звучит арамейское «Авва» –
звеньями звонов, музыкой сфер

* Доспехи.

под молоточками ксилофониста,
нотой знамений, идей и вер!

Светел полуночный склон кремнистый,
блещет неогранённый щебень
в теле тёмного кимберлита...
Как лучезарен, велик, волшебен
Мир!.. Но превыше всего – сокрытое.
Зримые искры – бренные суть...

Близок крупитчатый Млечный путь,
летним теплом створженный,
шёпот звёзд не даёт уснуть.
Два ковша – беспредельности жуть
льют из пустого в порожнее.

В июне – соловьи, а в августе – цикады
встречают тонкий серп, двухдневное дитя.
Вечерних облаков спокойные громады
стоят в голубизне, эфир не тяготя.

Участники большой мистической регаты,
попав в дремотный штиль у ночи на краю,
причудливо-стройны, молочно-розоваты,
предсумеречный свет равнинам отдают.

Параболы стрижей, мгновенных и синхронных,
вершины облаков, глядящих на закат,
гнездовья темноты, густеющие в кронах,
и плотный слитный звон проснувшихся цикад.

Вечер. Околица. Дом у дороги.
Веер лучей над полынью потух.
Где-то вверху утомлённые боги
туч расправляют сваявшийся пух.

Через просёлок скользнула лисица,
Пёс в конуру потрусил до утра,
окна задёрнулись розовым ситцем,
пеплом подёрнулись угли костра.

Стелется во поле сонная дрёма,
тих и покоен вечерний уют.
Камни нагретого августом дома
медленно телу тепло отдают.

«Если не будете, как дети...»

Забыл о тусклых, его – запомнил. Он был недлинный.
Как будто – день, и на ум пришло мне
идти долиной.
По палой хвое, по мягким тропам, не знавшим пала,
и по полянам с густым сиропом
нога ступала.
Мело пылью над лесной округой, беспечной силой
сияло небо и по заслугам
наградой было.
Горбатый корень, валежник влажный, резные лозы –
всё отзывалось на эту жажду
мгновенной грёзой,
то муравьями, то муравью ступней касалось,
плелось желанием и мечтою...
Опять казалось,
что спелым будущим день наполнен, как рот – малиной,
и жизни полдень! Чуть-чуть за полдень
перевалило,
где сытно пахнет с корзинкой в рифму грибной мицелий,
кораблик солнца минует рифы,
чудесно целый,
струится, светится напоследок спиральным светом,
и хмель по вантам то так – то эдак,
то там – то этам...

Одушевлённый и каждой частью во мне продлённый,
он знал, как лёгок, красив и счастлив
полёт подёнки,
он был любовным напитком лета и аналоем,
он звал ребёнка, он ждал привета,
он пах смолою,
корой сосновой оттенка чая, лесным левкоем...
Он жил единым своим звучаньем,
своим покоем.
Недолгий, он дорогого стоил. На белом свете
мы были – целым, нас было – двое,
и с нами – Третий.

ПОСАДИ ДЕРЕВО

И пока твой срок на земле не истёк —
в бескрайних своих владеньях
посади дерево. Пусть растёт
и дарит плодом и тенью.
Посади семечко, косточку, прут —
и будешь судьбой отмечен,
и потянется сотня цветущих рук
в апреле тебе навстречу...

Пусть не плод, но горячий янтарный блеск
тебе суждено увидеть —
в этом дереве будет огромный лес
любить своего друида.
Величайшего Зодчего волшебством —
над зеленью и над снегом
устремится ввысь ионический ствол,
связующий землю с небом.

Это дерево станет приютом птиц.
Всегда — молодым ли, старым —
это дерево будет одной из спиц
в большом колесе сансары,
и земле послужив последним листом,
уставшее быть полезным,
неизбежно скошено будет потом
твоим ли, чужим железом...

Это дерево сможет людей простить,
чтобы снова взойти — в костяной горсти.
И в темпе порядка герца
шевелия синевой своих хворостин,
это дерево будет в тебе расти
из красного корня сердца.

Ровный пепельный свет. Ни дождя, ни слезящейся хмари.
Небеса зачехлённые серы, а кроны пестры.
У природы октябрь. Календарная осень в разгаре,
и холодный огонь превращает деревья в костры.
Занялось — и горит-не сгорает осеннее ретро,
и в осеннее утро уже не рискуешь простыть.
Обостряется зрение. Слух притупляется ветром.
Появляется время понять и за что-то простить.

По волнистой равнине на север бежит электричка,
а её обтекает багрово-карминовый пал.
К увядающим кушам подносят урочную спичку,
и они пламенеют, как это велит ритуал,
рыжеватым огнём, запасёнными летом лучами...
На корню совершают над ними обряд колдовской,
и высоко, высоко стоит погребальное пламя!
И душа наполняется впрок ненасытной тоской,
и не нужно иного...

Оправа полей широка,
растревоженный воздух в открытое плещет окошко,
а навстречу ему итальянская рвется гармошка,
безутешно рыдая в костистых руках старика.

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Да пребудет роза редифом!..
А. Тарковский

На рынке музыкальный мужичок
в базарный день своё искусство кажет:
его свирель – пластмассовый сверчок,
(и с дюжину – в коробке, на продажу).
То – соловей... Бирюлька, пустельга,
свисток с водой, штампованная штучка.
Он неказист, но песня дорогá, –
живой ручей, весёлый и блескучий!

Ему цена – целковый без рубля.
Среди колбас, лимонов-канареек,
сырых лещей, несбывшихся цыплят,
пупырчатых гусей, манящих взгляд,
на быстрине ноябрьского борея
бурлит его причудливая трель.
Не сам Орфей, но что-то в этом роде, –
горит на солнце, словно карамель,
дрожит в ушах, дрожжами в сердце бродит.

Купи его! – и поднеси ко рту,
добавь мажора в жизненную гамму,
где майский мёд – и нищенский картуз,
капустный лист – и луковицы храма.
...Осенний полдень радостно-тверёз,
притихло всё в своём базарном лоне...
и медь – в картуз... и роза в каплях слёз
певцом больна в цветочном павильоне.

БОЯРЫШНИК

Под лёгким хмелем светлых рощ,
изменчиво-сквозных,
где каждый ствол и нищ, и тощ
над золотом казны,
где солнцу некому мешать,
где в грусти уличён –
попросит отдыха душа,
отведав, что почём.

Под синей ризой ноября
в сплетении теней
последней мелочью рябят
остатки их сеньей.
И крови медленный пожар
полуденной порой
зажжёт неопалимый дар –
багровых ягод рой.

Под беглый бодрый ветерок
над россыпью монет –
в края, где радость не порок,
а счастья всё же нет.
Туда, в осенние луга,
в негромкое «приди»,
не второпях, не наугад,
судьбу опередив.

22 ДЕКАБРЯ

Сегодня – совсем зима! Насыпало за ночь снега...
В зыбучих валах дома, и каждый – сродни ковчегу,
где дух жилой не иссяк среди заметённой пашни,
в котором спасает всяк свой утлый уют домашний,
и даже дверной косяк ревнует об общем благе,
житейские передраги, как стоик, перенося.

Кастрюльки, судки, корчаги готовы служить столу,
где скромно стоит в углу бутылка студёной влаги.
Добротный тягучий жар идет от белёной печи.
Покрытые шалью плечи хозяйка несёт, как дар,
и знойные, с маслом, пышки.

Кончается долгий год.
Хозяин, принявший лишку, воскресных полон забот,
готовит свои мормышки. Играет с бумажкой кот,
балуются ребятишки, и в норках под полом – мышки
воспитывают приплод.

Просторная тишина за перистым льдом окна.
Природа оглушена пластами алмазной ваты.
Венцом в дорогой казне над белым, в голубизне
во всей своей новизне пылает светоч косматый!
Восходят к нему дымы над каждой округлой кровлей...
Чистейшим светом зимы окутаны ныне мы,
морозной ее любовью.

И стоит жить терпеливо, надежду в душе храня,
чтоб в жизни скупой, сонливой – дожждаться ее прилива,
дожждаться такого дня.
Пусть нынешним днём зовут каких-то пятьсот минут –
годится ли эта мерка?..

Вот тени стали синей, и день в тенётах теней
задрёмывает и меркнет.
Садятся на ветви птицы, домой детвора идёт,
хозяйка к огню кладёт промокшие рукавицы,
глядит, как играют чинно, на два щелчка для почина.
И красят собой жильё

движения рук мужчины, улыбчивый без причины
заботливый взгляд её.

Вот сумерки на пороге, а ночь по причинам многим
не стоит верить словам... И столь симпатичным нам
простым деревенским людям завидовать мы не будем,
ну, разве, совсем чуть-чуть...

И я, отправляясь в путь к местам своего ночлега
в кратчайший день декабря – спокоен, благодаря
магическим свойствам снега.

Закрою я дверь на ключ, пойду сквозь скрипучий глянец,
и будет мороз колюч, а в прорезь далеких туч
закатное солнце глянет.
И тронет состав пустой от зябнувшего перрона.
Он будет ладьей Харона в реке забвенья о той,
которая не дала тепла ни душе, ни телу,
которая не хотела, а значит, и не могла
ни другом быть, ни женою причине невзгод своих.
И это – последний стих из ей посвященных мною.

70

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

УРОВНИ

71

ДОЗОРНЫЕ

Вселенная, День седьмой. В гамаке лучей
совпав с резонансом светил, голубеет шарик.
Корпускулы солнц чужих по Системе шарят,
где он согревает бока, покуда ничей.

Звенит его бубенец, скорлупой обняв
тяжёлый орешек, чей мрак обведён лиловым.
Пыланием чёрной дыры творится основа
морей, континентов, снегов и опять огня.

И лаву вздымает с ней в унисон прилив,
по плоти коры проходит невольный трепет,
а солнечный шторм сплетает магнитные треки,
мешая с эфиром цветные венцы Земли.

Планета моя, приют мириадов душ,
ядро многомерных сфер, карусель событий,
гнездо океанов, голодных страстей, соитий,
мельчайшая спора одной из астральных луж!

От горных седин до испода её глубин,
от блеска духовных стран до свинцовой муки
за каждую пядь или мысль сражаются руки
и мощные воли. Клин вышибает клин.

Ошибки печальны. Покинутый жизнью Марс,
моря под песками... Иголками гравитонов
уже невозможно сшить куски Фазтона –
кольцо астероидов, сонмы угрюмых масс.

Но юность Земли, удобренную золой
вулканов и метеоров, злом и любовью,
сейчас бережёт главнейшее из условий –
каскады миров, сияющий горний слой...

Просторную и прохладную колыбель
под сенью Христа дозоры воинов света
от морока лечат, чтобы жила планета,
чтоб шарик её кружился и голубел.

И Братья Его, Сыны одного Отца,
Которым других планет судьбу поручали,
их зори хранят, встающие под лучами
пресветлого Солнца, янтарного бубенца...

Когда-нибудь станет внятным приветный зов,
звучащий везде, где этот мир обитаем.
Пусть в помощь Им будет молитва твоя простая
из нескольких тихих и благодарных слов.

ДАНИИЛУ АНДРЕЕВУ

*Это была не страна, но целая часть све-
та, и от предчувствия событий, сораз-
мерных её масштабам, могло захватить
дух – и не только человеческий.*

Даниил Андреев. «Роза Мира»

...не смердом, не рабом. Мужчиной, а не дамой.
В России довелось, хоть в Греции теплей.
Она и Белый храм, и долговая яма,
и шахматный квадрант подземных королей.
А мы, в который раз чистилище покинув,
оставив за спиной ужасный мегалит,
играем в поддавки на тряпках арлекинов,
шутов и поваров хозяина Земли.

Как страшно понимать доподлинно, буквально
пророков и святых. Лиловый жуткий свет
хребтом предощущать над этой наковальней,
над русскою землёй, над лучшей из планет.
Страна идей и вер. Страна трудов кромешных.
А всё-таки Бедлам и всё-таки Гулаг.
Молитвенной свечой, берёзовым полешком
сгореть бы нам для той, которая бела.

А всё же не одни. Когорта прорубает
кровавые слои страданий и тоски!
И Santa Rosa там, где искра золотая,
где Роза Мира в срок расправит лепестки...
И та, где он рождён – в снегах своих и горях,
опутанная злом, окутанная мглой,
бессмертных сыновей бессонным взглядом дарит,
поэтов и бойцов за гранью голубой.

ХЛЕБ

На всех и про всё было пять хлебов,
но в эту ночь на озёрной косе
людей питала Его любовь,
и хлеба хватило всем.

Для них, пришедших под звёздный кров,
Он был надеждой, и Он гласил
устаи Отца, и сонмы миров
Ему добавляли сил.

Пять тысяч воль он сливал в одно –
и прирастала хлебная плоть.
Её наполнило то зерно,
которое не молоть.

Пять тысяч взглядов, ликов, судеб –
ребёнок, пряха, рыбак, раввин...
Им слово было нужней, чем хлеб,
и не с чем его сравнить.

Он знал, что земному пути его
остались не слишком долгие дни,
но не было рядом ни одного,
кто после кричал – «Распни!..»

Он пришёл во имя Того, Кто собрал в горсти
зёрна жизней. Он был полномочным Его посланцем.
Не судить грехи, не заблудших овец пасти,
но спасти от зла, изощрённого бóльшим Злом.

И вела Отцом предуказанная стезя
не к тому, чтобы кем-то править или свергать.
Он пришёл, ибо знал, что медлить уже нельзя,
потому что время играет в пользу Врага.

Он не мог по-иному, видимо. Мир людей
оставался спутанным пёстрым узлом страстей,
не умея зажечься чистым огнём идей,
предавая смерти на кольях и на кресте.

Он пришёл человеком – думать, делать, страдать
ради жизни Земли, ради долгих её веков.
И питала души Господняя благодать,
и растила подвиг Христовых учеников.

Во вселенском таинстве жертвы во имя всех
загорелась над Вифлеемом Его звезда.
Усмиряя зло, искупая несметный грех,
Он любил наш мир и не мог к нему опоздать.

Холмы пустыни. Раскалённый
камнями Азии сквозняк.
Араба шпорами казня,
спешит барон из Аваллона.

Тяжёлый панцирь. Пот солёный.
Он скачет, коршуну родня,
и пена падает с коня
в святой земли сухое лоно.

Он крестоносец, прах от праха,
не Божий перст, но жалкий знахарь.
Надмирных не узнать лугов

душе, сопревшей, как рубаха.
И Сын Марии и Аллаха
печально смотрит на него.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Распахнувшимся, синеглазым,
как разбуженное дитя –
над степями и над Кавказом
караваны гусей летят.
Неоглядным, холодным, длинным –
посылают в далёкий край,
то ли линией, то ли клином,
узелковые письма стай.

Многомерным узлом завязан,
обнесён чешуёй границ,
удивляет наземный разум
тяготеющих к Югу птиц.
Над Алеппо и над Синаем,
над песками и над золой
гравитация их сквозная
проникает воздушный слой.

Не пытаясь понять законы
неопрятного дележа,
опасаясь стальных драконов,
изрыгающих рёв и жар,
полагая вражду позором,
обходя очаги огня,
неуклонно ведут к озёрам
оперившийся молодняк.

Покидая на срок лиманы,
перелётный ордер храня –
за Египтом и за Суданом,
где не рвётся в клочья броня,
на короткой точной гласседе,
не задействуя тормозной,
на озёра Замбези сядут
в ослепительный блеск и зной.

И когда я беру рубанок, делаю стих
или делаю вид, что делаю важное дело –
это всё ремёсла. Пойми, признай и прости,
что плоды работы по-ясельному неумелы.
Ну и что же, что результаты пока худы?
От тебя не ждут чиппендейла или «Козетты».
Это, собственно, как учиться с нуля ходить
и оценивать расстояние до предмета.

Что ладонь не клешня – уже немалая честь,
подаёшь надежды. Хотя и хлопот немало.
Заусенцы и диссонансы затем и есть,
чтобы чуял сопротивление материала.
Вы похожи с ним, свилеватым кривым комлём,
где рисунка ткани ещё предстоит добиться.
Между искоркой единицы и тьмой-нулём
по наждачной зерни проложен пунктир границы.

Потому что план мироздания предельно прост:
шлифовать натуру, исходно всегда дурную.
Механизм экспресс-комбинаций, клеточный рост,
где геном умений и функций особь формирует.
И покуда не обеспечены векселя
лексиконом, вкусом, мозолями, глазомером –
по молочной реке вдоль вишнёвого киселя
не тебе рассекать молодецким лихим манером.

Но и в этой жизни случится случай такой,
чтобы в нервный узел ударил тебя стрекалом –
и пропал, и канул, подхвачен Другой рекой.
Ты ведь помнишь?.. несколько раз бывало, бывало...
И приснится, а, может, присных пришлёт к тебе,
исчезающе малым сим пожелав заняться,
снисходительный к сучковатой твоей судьбе
Демидург чудес, сублимаций и инсталляций.

И когда прикоснётся, шепнёт на ухо тайком,
что такого пока не слышал, что так сокровенно
сочиняют сны – и займётся Красным цветком,
а потом потечёт горячим ручьём по венам...
и когда под Его рукой неброский сюжет
обретёт бесценную душу – ни мало, ни много –
кособокий смайлик в черновике у Слога,
улыбнись родне, навещавшей как-то уже.

КОММЕНТАРИЙ К ХАЙЯМУ

Не поминай непрожитой любви.
Её ещё не много в мире этом...
Но жалобы и пени подави
и сделайся хоть чуточку поэтом.

И ближе Совершенство на вершок,
когда мы любим звёзды и колодцы.
И пусть любовно сделанный горшок
расколется – любовь не разобьётся.

И пусть твердит пустынная тоска,
что скалы – только прошлое песка,
что терпеливо ждут на скалах грифы
своей исконной доли... Но пока –
обмакивая в будущность перо,
набрасывая абрисы миров,
мы делаем магические глифы
для сущих во вселенной Мастеров.

О САМОАНАЛИЗЕ

Психолог тот, и тонкий автор – тот,
кто в образе героя ли, страдальца –
но так себя на блюде подаёт,
что все гурмэ облизывают пальцы...
Но я не интересен для себя,
(хотя и не люблю об этом – всеуе).
Меня снаружи будни теребят,
поэтому вовне и адресуюсь.
К тому же мне никак не по плечу
самоанализ и другие «авто»...
И пусть давно указано врачу
(который в нашем случае и автор),
чтоб исцелился сам, а не дерзал
лечить других, и непременно – чохом, –
но всем рекомендую Кинозал,
способный демонстрировать эпоху, –
не эндоскопы. Любопытства ген
определяет внешние запросы.

Я не люблю клистиры и пурген,
как средство провокации поносов,
хоть и вербальных.

Тяжек дух складской
любвей закахших, чувственных проекций,
фатальных фраз... Всё это мне на кой?
Я просто не дорос до вивисекций,
рефлексии, нудизма (повторюсь!),
до самоедства с луковой подливой,
до ливера, распахнутого в Русь!..

Пускай другой в манере прихотливой
себя в себе опишет до кости.
А мы не станем. Мы побережёмся.
Прошу принять, как тезис, этот стих
а не как проявление пижонства

КОНТРАПУНКТ

давай-ка без шифтов кочек запинания
лежачих полицейских семафоров знаков
управления преткновением ибо это мания
схоластов эффект же почти одинаков
есть ли нет ли какой заусенцы в поле текста
обрати внимание
заглавная литера этокое коленце
мания величия ванек и манек

смешна закорючка на запятках фразы
да будет двучтение вместо двуточия
вешать нельзя простить сразу
прикинь-ка испанцы разные прочие
ей-ей извращенцы ; вопят без оглядки !
ладно в конце но даже в начале
дубинку лепят вверх рукояткой
с понтом эмоцию этим включают

так обжора втыкает вилку в котлету
так матрона требует смерти абзаца
и всё сотворчество сразу в лету
а смыслу придётся не стать а казаться
от скобок согбенна стиха осанка
нет начертания верночитания
строчка все в узелках как с изнанки
зачем пунктуация на черта она

и вот когда глаголы усталые
тихо к вечернему водопое
когда прострелены скрепок сталью
листы чернильные под ногою
когда подноготная скудно плачет
а смех обязательный скудно кормит —
Господи, выдели мне удачи
спрятать лицо за привычной формой...

Памяти Леонида Григорьевича Григорьяна

Sic transit... Лучше не скажешь. Латынь всегда латынь.
Хотя и слова, как слава, входящи и уходящи.
Папирус, шёлк и пергамент — лишь ветошь от простынь,
куда запечатлевали. Где жили гуще и слаще.

И вот королевский флагман, злещёный дряхлый барк,
без вымпелов и оснастки, огромный, надменный, сирый,
участник грозных событий — не резвый Катти Сарк —
идёт анфас напоследок, влекомый грязным буксиром.

Уходят стихи и люди. Поток ведёт туда,
где плавают судьбу, и славы шелушена позолотца.
Галерников или кормчих, оставивших суда,
встречает иное Слово, всеведущий вечный лоцман.

Но то, что здесь вызревало (и станет большим там) —
немалое утешенье в путях неисповедимых...
Да славятся те, кто слово привил к твоим устам.
Да будет за нас приветлив и милостив к ним Единый.

...Поэт, любимец муз, слуга своей природы,
вкушающий вино и сельские дары –
он связан по ногам, и вся его свобода –
жених ли, не жених – терзаться до поры.
А Гончарова ждёт, она в Первопрестольной,
где маменька брюзжит, где света миражи.
Он думает о ней. Однако ж, не настолько,
чтобы забыть о том, чем дух от века жив.
И пусть вокруг Москвы заставы, карантин –
он пленник языка, а там пока что гость,
и век бы не видать собольих палантинов.

Ненастье на дворе, в углу – стальная трость...
Какие в колыбель ни прилетали гули,
Аринушка, мой друг – судьба своё возьмёт.
Вольно ж ей прописать свинцовые пилюли,
наживки насадить на крепкий перемёт.
Кто тему заказал – волынщику заплатит,
и долг не отменить. Всему своя пора,
песочницы фарфор с насечкой рукояти
не спутает рука, привычная марасть.

Но это всё потом. В окошках свет ветшает,
прилежно кочерга орудует в золе,
лохматое перо весёлый мат мешает
и веские слова могучего Рабле.
Вот письма Натали, вот письма с новостями
о Франции. Одна забота им – шуметь.
У Польши шанса нет, а всё-таки восстанет.

За ломберным столом он пишет о чуме,
он пишет Мери плач и песню Вальсингама...
И вольная луна гуляет по стихам,
и адовым огнём горит Сальери гамма,
и вьюги свист в ушах... Начать – беда лиха!
Уютные сверчки про зазимок сверчат,
и тесно от цитат, катренов, извлечений...
Ай, Пушкин, сукин сын и Божий порученец!
Удачный нынче день... и за полночь свеча.

**РАССКАЗ О ПРОИСШЕСТВИИ,
ИМЕВШЕМ БЫТЬ С АВТОРОМ
В ПЕРИОД ЕГО ВРЕМЕННОЙ
НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ**

После сильных морозов опять развезло,
потянуло чахоточным мартом,
и бечёвки проблем, завязавшись узлом,
шебуршатся с весёлым азартом.
Но куда мне до них. На теперешний час,
заглотивши четыре облатки,
я лежу, как набитый костями матрац.
Каждой косточке хочется спатки.

Да не вышло... Хватило мгновения век —
и ползёт одеяло на плечи.
У постели на стуле стоит человек,
невысокий такой человечек.
Облачённый в изысканный алый камзол
и штанишки вульгарного кроя,
он стоял, попирая ногой димедрол,
удивительно ладен и строен.

Это был старомодно одетый пруссак.
Исключая возможность ошибки,
он кивнул головой в бесподобных усах —
продолжении чудо-улыбки:
— Шёнен таг! — Я приветливо скушал слюну.
Он слегка перегнулся со стула:
— Что там? Оспа?! Ого!.. Ветряная? Ну-ну.
Это где ж нам, голубчик, надуло?..

Одобрительно тыкая кожей ножон
ядовито-зелёное тело,
он сказал: — Тем не менее, жив. Вундершён!
Перейдём непосредственно к делу.
Разговор — о душе. От неё и разлад
организма, и прочие муки.
Отчего бы такой злополучный субстат
не отдать в подходящие руки?

Вы расстанетесь с нею ещё не теперь.
Эту душу – о чём и толкую –
унесу как источник скорбей и потерь,
и вообще непонятно, какую ...
Ведь порою она из вчерашних котлет
а порою – из кровельной жести.
Да к тому же её, как доказано, нет,
а и есть – так всегда не на месте.

Вы берёте малюсенький на душу грех –
и оплата, считайте, в кармане.
Обаяние! Власть! Сексуальный успех!
Достижения в творческом плане!
Вы хотите покоя?! Да несколько слов,
закреплённых в серьёзной бумаге –
и волшебный мираж золотых островов
будет ваш мановением шпаги!

Я могу Карабахом заняться всерьёз,
а могу – экономикой Польши.
Что там нас занимает, афганский вопрос
или чтобы деньжонок побольше?..
Это всё отдавало дежурным клише,
но и не было, впрочем, бахвальством.
Он судил о бесценной, бессмертной душе
с подкупающе здравым нахальством.

Я сопел, сомневался, косился на стул,
за какие, мол, сударь, таланты?
Наконец откровенно ноздрей потянул:
– как на запах его варианты?
Но пришелец пахивал лёгкой судьбой,
табаком, амаретто и мятой,
и вообще был чертовски приятен собой
человечек в берете примятом.

Убеждая, что риска – на склянку чернил,
разместясь между книжек и чашек,
он немного скучал и клинком шевелил
серебристый стальной карандашик.

И внезапно поняв, что не так уж далёк
от безумной, несбыточной цели,
я следил, холодея, как сизый клинок
покрывался узорами хмеля...

Он вскочил! – Я поспорю на сотню гиней,
что сейчас... Про себя повторите!..
О, майн херц!!! Мы немедленно отправимся к ней,
к драгоценной своей Маргарите!
Неужели не ждёт?! Колебания прочь!
Полетим в грозовой атмосфере
в обустроенный мной за минувшую ночь
двухэтажный шалаш на Ривьере!

Не палаццо, но всё же не стыдно зайти,
получилось недурно в итоге.
Ну, а шкуру на вас перетянем в пути,
и побреемся тоже в дороге...
...И в пергаменте том, не страшась ни черта,
изумляясь удачи капризу,
я гусиным пером не спеша начертал
удалую корявую визу,
и покончив на этом с продажей души,
приподнявшись в горячей постели,
благодарно хватаюсь
за яркий кувшин:
– Полетели, мой друг! Полетели!..

Это сон?..
 – *Не стучать, гарсон,
 если здесь приличный отель!..*
 Наконец ночей колесо
 принесло на мою постель,
 усадило в ладони мне
 статуэтку моей кости,
 в придорожном саду камней
 захотевшую погостить...

– *Убирайся! На кой мне ляд
 артишоки твои, урод!*
 Не вином ли зелёным – взгляд,
 не ломтём ли насущным – рот?
 В уготованном нам гнезде,
 под зарницами этих глаз –
 как сокол я гол и одет
 в кимоно шелковистых ласк,
 в потрясающий плоть астрал!..
 – *Это «Плаза» или барак?!*
*Ведь катана моя остра,
 безголовый уже дурак!..*

То ли стелет ночной мистраль
 поцелуев её метель,
 то ли маг – сонет-магистрал –
 увлекает луну в отель –
 но на тело её пролит
 лепесточно-вишнёвый свет.
 Эта гейша – из вышних свит,
 и подобной на свете нет!
 В перламутровых створках спин –
 я ли ею на ней распят?

...Мы, наверное, вместе спим,
 если это считаем – «спать»...
 Заповедного мёда вкус,
 оплетённого тела грот...

нам ночей, что калины бус,
 и песочная склянка – врёт!
 Обнимай. Обладай. Смотри –
 вот Далила, и вот Самсон,
 и ударивший коброй крик...
 – *Так умри навсегда, гарсон.*

ЛИТОГРАФИЯ

Как голодного окуня манит блесна,
голодранца – бобровая шуба,
так и мне, обалделому, снится весна
и твои приоткрытые губы.
И приходит в полуночном сне благодать,
обнаженная напропалую,
и краюху насущного можно отдать
за глоток твоего поцелуя.

...Оседает туман, пробивается стих,
поднимается месяц поспелый...
Вот и ветер утих, и цветов – никаких,
только чёрный и матово-белый.
Кружевные черешни, полны молоком,
осеняют уснувшую землю,
на чёрнёном стволе меловым лепестком
утомлённая бабочка дремлет,

и тела приминают собою траву,
стосковавшись по тёплому маю,
и сегодня во сне, как вчера наяву,
обнимаю тебя, обнимаю...
Для того и поют по садам соловьи
в белопенном черешен засилье,
чтобы женщина белые бёдра свои
распахнула, как бабочка крылья.

Укатилась гроза. Укаталась гремучая сивка.
В переулке – ручьи, озёрки,
вечереющий ветер взбивает высокие сливки
над муаровой лентой реки.

И – на то и четверг – с этажей силикатного замка,
в полутень, обрамлённую им,
опускается дева, чей взгляд деликатен и замкнут
на касании с грешным моим.

И красна мне она, как повально красна земляника,
потому что июнь подоспел.
Потому что спокойное «знаю» курносого лика
невозбранно дырявит доспех.

Потому что синее озоновый слой. Поелику
лучезарен стеклярус ветвей!
Потому что – живой... и умыта дождём земляника
в решете из кирасы твоей.

Зашторено небес прохладное лицо.
Под утро пал туман, а вот уже и нету.
И на полях лежит серебряной пылью
печальный след кометы.

Но вот случайный луч, завесу истончив,
искристым хоботком, как бабочка из рая,
медвяную росу с озимых собирает –
и сам медоточив.

Попробуй, задержи круговорот воды,
круговорот любви, надежды, притязаний.
И той, кто оставлял летучие следы,
не удержать глазами.

Но можно вслед любить, узнав её язык,
читая между строк безумную страницу,
где некто Сирано, собрав росу в пузырь,
не дал себе напиться.

Зачем же вспоминать угрюмый смысл примет,
захлёбываясь вновь потерянным ответом...
Осенний сон души. Неяркий странный свет
кочующей кометы.

Померкнет страница на слове «привет»,
погаснет последнее пламя –
и нет никаких осязаемых примет
того, что содеялось с нами.

И нет ни свидетелей нам, ни судей.
И снова, от истины в шаге,
в потёмках скитаются души людей,
как искры по жжёной бумаге.

Расходятся... Сходятся... Гаснут, сойдясь...
Оранжевых звёздочек стая
ещё сохраняет какую-то связь,
сгоревшие строчки читая.

...И я улетел к антресолям планеты,
в прохладу полярного дня,
оставив в оправе из моря и света
дарившую счастьем меня.

И шёл я, крещёный в лазурном рассоле,
во мху оставляя следы,
мешая с серебряным цветом магнолий
лилового вереска дым.

На взлобьях, под тучами серо-стальными,
шептала моя маята
её на ветру шелестящее имя
рассохшейся трещиной рта.

Но в каждом зелёном и влажном распадке,
над каждым текучим ручьём
ко мне прикасались, лаская украдкой,
горячие руки её...

Рябили озёра на дне котловины,
встречая пророка Илью,
и жизнь, расщепляясь на две половины,
брусникой кропила июль.

ИНТРОДУКЦИЯ

...Когда бы он стал лет на двести постарше
(по чипу под кожей – неполные сорок,
и больше не будет банановых корок
на галечных пляжах и лестничных маршах),
и если бы та неумолчная птица
решила бы с той же улыбкою детской
из благодати неба, из маленькой нэцкэ
под теми же звёздами вновь опериться
под именем – Дарья, Агнешка, Химена...
И вдруг бы судьба оказала услугу –
на лунной поверхности, в Риме, Калуге –
тогда бы, возможно... Да нет, несомненно.

◇ ◆ ◇
 Случайнее любых импровизаций,
 в летучем откровении стекла
 мелькнула – и растаяла. Была –
 и нет... вполне могло и показаться.
 А подиум весеннего проспекта
 в проталинах интимной наготы:
 демонстративно зябнут животы,
 травмируя мужские интеллекты.
 Томленье глаз, округлые колени...

...Её ли я сегодня повстречал?
 Страстей пора... Начало всех начал,
 источник окрылённых устремлений,
 период грёз и – гона у лосей,
 красноречивых прыщиков – и почек.
 Она, она! На взлётной полосе
 её биплан пропеллером хлопочет.
 Пора и мне. Довольно срок мотать
 заложнику бездарных моногамий.
 Колодки прочь! Сырая немота
 уже пошла ленивыми кругами.
 Куда летим? И что бы нам воспеть
 в глухую ночь?... За срочными делами
дежурный ангел так и не успел
 луной заняться. Мраморный гурами,
 стиху немалый нанося урон,
 втихую сплыл, пресыщенный дарами
 пиитов всех времён.

Чему там быть – раёшнику, верлибру,
 гекзаметру – а только жребий выбран,
 и, кажется, уже не избежать
 мгновения смертельного фальстарта:
 без лонжи – в ночь семнадцатого марта –
 с трапеции восьмого этажа.
 Але!.. И пусть ни с чем не сообразны
 рифмованные петли и силки –
 раскачивает вервие строки
 посыл неутолённого соблазна.

Хотя, постой... Давай наоборот:
 старается соблазн перебороть
 и отозвать упрямые катрены
 отведавший жестокий женский сглаз,
 в лепёшку расшибавшийся не раз
 король арены.

Но гол король, и этот номер гол,
 и дьявольски божественный глагол
 уже прожёт дыру в районе сердца,
 и некий ноготь шлёт его щелчком,
 и он летит – за лунным молочком –
 сияющий, как новенький сестерций,
 на счастье!.. Наудачу, наугад –
 на ложе переменчивой мадонны,
 где – ап! – пересекается дуга
 с её полураскрыто ладонью...
 Там простынь лён – и шёлк её плеча,
 волнение штор – и сна её пелёны,
 и те часы, минуту улуча,
 монету изучают изумлённо.

...Зачем чеканен сумеречный стих?
 Кому за неоплаканное платят?
 Возможно ли ещё приобрести
 хотя бы час – на этом циферблате?
 ...Раздвинул створки облачный сезам –
 и Рыба возвратилась поневоле.
 Не оттого ли холодно глазам,
 и горлу горячо – не оттого ли?..
 Когда-то зимний ветер захотел
 причинами последствия умножить –
 и взгляд давал оправу красоте,
 ожесточалось своеволие тел
 горячей строчкой и лавандой кожи,
 и хвост вращал весёлого щенка!..
 ...Любовью пахнет женская щека,
 и вовсе без любви – она не может.

Моей ли?.. Нет. Ушло и отлегло,
и не идёт о ренессансе речи.
Бессрочно, неразведанным углём
отложится нечаянная встреча.
Но ветреной апрелевой листвою,
тревожной и отчаянно-зелёной
пребудет молодое озорство
на амальгаме слов запечатлённым.
В глубинах антрацитовых зеркал
не побледнеет бровь её соболя...
Да не отвергнет спящая рука
смирения щербатого оболы.

БУРАЯ БАЛЛАДА, ИЛИ БАЛЛАДА ОБ ОГРАНИЧЕННОМ КОНТИНГЕНТЕ

Больно ногой шевельнуть.
Двигатель замер...
Липкая бурая муть
перед глазами.
Мир опрокинут, как стул.
Солнце поблёкло.
Кто-то вокруг сыпанул
битые стёкла.
Скручена рама в калач,
а из кабины –
жалобный радиоплач,
стон муэдзина.
Под щелочным родничком
электролита,
в бурой щебёнке ничком –
Костя убитый.

Кажется, было однажды в бреду... Господи Боже!..
Восемь фигурок по склону идут, осыпь тревожат.
Стонет транзистор! Молитвенный час, дело к намазу...
...Знать бы, какого боится врача эта зараза.
Пушек? Вертушек? Тотальной войны? Русского мата?..
Нашей немойтой и грозной страны, щедрой на траты?..
Помнишь – завидовал двум пацанам, щуплым и шалым,
храбро стрелявшим щебёнкой по нам из-за дувала?
...Перечеркнул силуэты двоих ствол автомата.
Знать бы, наверное, мне, что не их
те пацанята...

Быть нам обедом, который сожрут чёрные мухи,
если шалят в холода и жару чёртовы «духи»,
если расколот проклятый кувшин смертью Амина,
снова и снова колонны машин рвутся на минах...
Мы увеличили этот процент в тесной долине,
где ограничен сейчас контингент нами двоими.
Небом чужим и чужим рубежом он ограничен,
будто заноза, в пространстве чужом неорганичен,
но вовлечён – и не волен уже выйти из боя.

И на последнем для нас рубеже –
двое нас, двое...

Крик из камней... обещают содрать шкуру с живого.
Как-то денёк не задался с утра... Сдержат ведь слово.
Этот чернявый порол животы, сверху – до паха.
Не пожалей угощенья и ты детям Аллаха!
Ну-ка, не хочешь отведать, кума?!

Что ме-

ло-

чить-ся!!!

С матерным грохотом бьёт автомат
в бурые лица...

Звон тишины от восточной гряды до перевала.

Бурым закатом окрашены льды.

Времени мало...

Запоминай до плевка темноты, смертной занозы,
как под откосом ржавеют хребты двух бензовозов,
как над тобой голубая эмаль медленно стынет,
как величаво вещает Кармалъ в мёртвой кабине.

...От развороченных пулями тел, выждав немного,
рубчатый мячик вспорхнул-полетел-
клянул дорогу.

Больше не мучают горечь и страх,
больше не больно,
только из эха родится в горах
гул колокольный.

Освобождая от здешних забот
русскую душу,
он широко и неслышно плывёт
над Гиндукушем!

Он до краев наполняет собой
гибкую пропасть,
бережно держит над бурной водой
гибкую лопасть...

Вечным вопросом о зле и добре –
он без ответа

длится и длится в стальной коже
бронезилетов.

Из средних – средний, этот век
клинки оржавленные скалит...
В Козельске, Муроме, Москве
ещё и слыхом не слыхали
об азиатской саранче –
а между тем пылают брёвна,
и косят лезвия мечей
одних своих, единокровных.
Не остановят их труда
ни купола, ни панagia –
за то и послана Орда.
Им несть числа. Они – другие.
Они грядут издалека,
пока пожары не остыли,
от мест, где русская река
уже становится Итилью.

...Когда немереная степь
цветёт полотнами тюльпанов,
об этом можно только спеть,
самозабвенно и гортанно...
Там, из конца в другой конец –
ещё росистый путь не высох –
спешит-торопится гонец
к шатрам великого Чингиса.
Стреле не встретится помех,
впивают ноздри запах пряный,
ковыль, бунчук да волчий мех
у степняка на сальных прядях
восточный ветер мнёт и треплет.
В прозрачной неба нагоде –
крестообразной птицы трепет...
И больше нечего хотеть.

А зной растёт. И длится день.
То море в мареве блазнится,

а то порой ладони тень
скользнёт в раскосые глазницы,
и капля пламени ползёт
по направлению к закату.
Тысячелетний чернозём
и волны трав солоноватых.

К ВОПРОСУ ЭТНОГЕНЕЗА

1.

Колесо Фортуны по рытвинам катится,
шаркают напильники, время пиля,
сыплется и сыплется зернь силикатная
гранами и гранями сквозь капилляр...
Перекасти-полем, косматыми ордами
ветром через степи несло племена.
Как они скакали со стягами гордыми,
сея по округе свои семена!

Римляне, османы, испанцы с германцами –
были те самцы среди прочих самей
с их вокруг столбов ритуальными танцами,
запахом пожаров и потных коней.
Да... А всё же нация, как перебесится –
сточатся клыки и сотрутся рога –
сразу прекращает нести околесицу
и свои окрестности зря напрягать.

Вломают топором по кудрявому вензелю –
и с концами... способ, понятно, не нов.
Матушка-природа снижает претензии
и адреналин у своих драчунов.
То есть, есть и в драках немалая разница.
Сберегая женщин своих и детей,
франки надавали норманнам по заднице,
сталью и смолой защитили Ситэ.

2.

Сыплется песочек. И ладно ли, плохо ли –
лязгая ребордами дней чумовых,
минуло столетие с дымом и грохотом,
с ликами и мордами лихой головы.
Было для чего-то чему-то желательно
персонифицировать чёртов синдром.
Не вина диктаторов и соискателей,
что не получился гоморрный содом.

Кто ни есть – тевтон, осетин, корсиканец ли –
им бы в лапы власть да ремень гужевой.
Вот они отпрыгали, сгинули, канули,
телом исчерпались, а дело живёт.
Тут не пригодятся ни съезды, ни хартии.
Беса приструнить – не по парку гулять,
и отджугашвильться, отбонапартиться
будет посложнее, чем ваньку валять.

Мелют языки по запросу софистики.
Всё-таки достойны немалых грустей
драные орнаменты фиговых листиков,
милитаризация всех челюстей.
Титул базилевса, доктрины брутальные
здесь и за бугром примеряли на раз...
Новые норвежцы и дети Италии,
как бы кой-чему научиться у вас.

ТРАНСФОРМА-1

Не угодна сердцу разумность циклов,
оттого признать ему не под силу,
что жильё, с которым оно обвыклось,
недоношенным, недоспелым было.
На него к тому же точили зубы,
подсадные кряквы нашлись, где надо.
С хомутом Доктрины было не любо,
но плоды селекции – нам награда.
Крокодилы пасти у крайних справа,
а у крайних слева повадки скунсов,
диплодоки вообще удались на славу.
Зоопарк у нас на любые вкусы.

Мы опять о ней, о Большой потраве.
Ни следа Инонии в пыльном хламе,
но шакал Табаки в родной державе
воплотился в каждом чиновном хаме,
и любой идеал холуём облизан,
и трусливы графы её запретов.
Конституции ломаются от девизов,
а шкафы канцелярские – от скелетов.

Не исполнилось то, что мы замыслили,
и стыдась девяностых, как почечуя,
удивляясь живучести джугашвали,
на ветру живём, натошак кочуем.
Чудаки, что мерялись с днём вчерашним
и на шаг смелее и дальше были –
в лагерях и в бойне у телебашни
стали прахом, но не дорожной пылью.

Что сказать. Мы крепко временем биты.
Память помнит, не надо рыться в архиве.
Углеродные часики тех событий –
в неистлевших костях. Времена глухие –
наш урок, наследие мезозоя
(да не будет выпренок эта фраза).
И дорога наша пахнет золою.
Нам простится. Но это будет не сразу.

ТРАНСФОРМА-2

*Dubito, ergo sum**

Рене Декарт

Не пытайся сдуру пенять природе,
что она не старается стать хорошей –
как назло, кривыми путями бродит,
континенты и живность в крошку крошит,
и вообще ведёт себя непригоже –
заливает лавами палимпсесты,
накосячив, тут же грунтует место
для каких-то новых своих художеств.

Хочешь – смейся, но в этом прискорбном факте,
в пандемии, накрывшей и нашу Землю,
отражён нестойкий её характер,
ибо местный Чёрт никогда не дремлет.
Громоздя катастрофу на катастрофу,
налагая лапу на всю планету,
он вполне себе эффективный профи,
но такой, как будто и вовсе нету.

Сплошь и рядом с ним никакого сладу,
дирижирует запросто всей оравой,
потому что принцип «Смотри, как надо!...»
подменяет кличем «хватай и хавай».
Для того ему и нужна аренда,
чтобы горний тезис пустить насмарку,
эволюцию Дарвина сделать брендом,
зачеркнув развитие по Ламарку.

Только где мезозойские голиафы,
несусветные челюсти тех драконов?
Почему-то первенство у жирафа,
почему-то хочется по-другому,
и подружка-жизнь спешит спозаранок
(пусть пока и нетвёрдой ещё ногою)
от деревьев, съедающих обезьянок –
к совершенству лотоса и секвойи.

.....
* Сомневаюсь, значит, существую (*лат.*).

Мы ведь тоже в этой экосистеме,
где всегда и всё ловили и ели,
но приняв на веру иные цели,
заразившись будущим рядом с теми,
кто для нас родился и выше тянет –
не сорвёмся вниз, не застрянем между.
В общем, тут сомнения в чёрном плане.
Сомневаюсь – стало быть, есть надежда.

ДОРОГА НА ЮГ

Диван да ковёр, пара стульев и столик удобный,
на нём размещаются книги и то, что съедобно,
и это – купе.
А в нём – человек попивает прохладное зелье
и движется с важной и невразумительной целью,
один, аки перст.
В служебном вагоне, где он – не угодно ли? – едет,
чудесно отсутствует даже намёк на соседей,
а рядом течёт
полуденный клейстер сгущённого насыпью зноя.
Да, есть проводница по имени, кажется, Зоя,
но это не в счёт.

Он смотрит вовне из дуплянки, из люльки, из ложи...
Почтенная женщина вежливо чаю предложит,
бельё принесёт,
но путник, увы, не знаток церемонии чайной.
Он смотрит в окно, сознавая, что день не случаен,
как, видимо, всё.
В прогалах деревьев мелькает посёлочков лего,
стечением листьев и сучьев, семян и побегов
прикрыт окоём.
Пронесётся мимо фестоны зелёных массивов,
где белые кости стволов остаются красивы
в посмертье своём.

Потом проплывают пространства, где скошено жито.
И вот уж купе до возможных пределов обжито
составом вещей,
не хочется есть, и не требует отдыха тело,
и можно не думать... дистанция делает дело
и здесь, и вообще...
Итак, он летит по прямой, у момента в фаворе,
в пустом позвонке у состава, в задонском просторе.
Исчерпан компот;
теперь, не спеша, побеждённый дорожною ленью,
он цедит просвеченный солнцем мускат впечатлений:
ни дум, ни хлопот...

Но как-то не сразу, не вдруг – постепенно, неявно,
идёт наслоение и замещение планов,
и наш пассажир
магнитной головкой несётся вдоль стёртого трека
и кожей читает фрагменты ушедшего века,
его миражи.
Он помнить не может, но волей самой Мнемозины –
то сабли полоска сверкает крылом стрекозиным,
то смутная тень
от броневагонов мелькнет перед поездом встречным,
как призрак Голландца в его возвращении вечном
в сегодняшний день.
Он следует – вглубь и назад – соляными пластами,
и видит, как едут на юг новобранцев составы...
как бурый закат
глядит через щели теплушек на груз человеков,
которых ведёт за Урал, от аулов и Мекки,
судьба языка...
Червонного золота свет над подсолнечным полем;
упряжку быков и телегу с чумацкою солью;
степные огни
отряда комбайнов в короткие душевные ночи;
другого отряда, что в яме амбарной хлопочет,
штыки да ремни...
По рельсам – потоки несущего жизнь антрацита –
и трактор тридцатых, рождённый ценой геноцида;
коня в поводу –
и танковых траков в горящем саду отпечаток,
и женскую руку, сломившую влажный початок
(для хроники дубль)...

Под радостным небом, по глади, когда-то ковыльной,
он катится к южным границам, прошитый навылет
в вагоне пустом
брезгливостью – с West'a и жадным вниманьем – с Востока.
И дальних хребтов ощущая немирное око, –
он помнит хребтом
блудливый оскал разодравших страну лицедеев
и прежних ура-патриотов с великой Идеей
бесстыдный инцест,

110

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

ОТРАЖЕНИЯ

111

черты помышлений, побед, преступлений, поступков...
Он мчится внутри грандиозной Отечества ступки,
один, аки пест...

И скорый – локальное время стремительно порет
навстречу четвёртому Риму. (Помпее?.. Гоморре?..)
А он – подчинён
могучему кровному чувству... и с этим не спорят.
...Он едет по ровному дну колоссального моря
древнейших времён.

ПАРАФРАЗ

Безветренный вечер налит по края
зелёного неба. И звёзды-соседи
мерцают в доверчивой тихой беседе,
поди, догадайся, которая чья.
Густеющей стаей в искряный садок
неспешно спływают. Ветви раздвинув,
сквозь частые грозди незрелой калины
какая-то ищет свою половину,
от музыки сфер отрешась на чуток.

Из тёмного логова мокрых садов
искомый лицо подымает навстречу
зениту, где шарики света лепечут
на темени тьмущей вселенских ладов.
Ему не хватало к закату любви,
и этой звезде без него одиноко.
Он мог бы туда, но не выслужил срока.
И та обнимает, как Леннона – Йоко,
вьюнками лучей осторожно обвив.

Чего же им больше? куда им спешить?
И хватит ли этим, печали вручённым,
огня, обречённого быть отлучённым
от суетной, глупой, бесстрашной души?
Но свет прибывает, и длится черёд,
хоть он не старался... а, может, нарочно
с серебряной ложкой во рту и в сорочке
родился на краткие годы и ночи –
услышать кремонские песни её.

Кастальский родник, оправданье стиха,
летучий кораблик, лазурный колибри,
безгрешное светлое пламя ex libri*
имён и гаданий... Чиста и тиха
июньская вечеря. Воздух свежей.
И пьётся, и дышится. Та, не другая –
трепещет, и мрак безмятежно свергает,

* Из книги (лат.).

и каждое яблоко встречно сверкает
с деревьев познания истин и лжей.

Гори, не сгорая... Он счастлив тобой,
звезда Вифлеема, светило ислама.
С тебя начинаются люди и храмы,
и ты родилась от кого-то звездой.
И медлит библейский архангел с трубой,
беззуба химера распада и срама,
не в силе надменная Белая Дама,
когда обрамляет стемневшая рама
доставший до сердца клинок голубой.

МЕДИТАЦИЯ НА РИСОВОМ ЗЕРНЕ

Во поле жизней, воде многолиственной,
над децибелами и мегаваттами –
малое зёрнышко, хрупкая истина,
спелое, ладное, продолговатое.
Что в сердцевине прохладного кокона
под алебастровым спит обтекателем?
Как это сделано, кем это соткано
так филигранно, умно и старательно?
Свёрнуто, скручено, сваяно, скатано,
сплочено, схвачено, живо стиснуто.
Как получаются друзья из атома,
как от аза начинается письменность –
так наполняется млечными сотами,
встречным, извечным, излунным и жертвенным
медный светильник, небрежно сработанный,
но обитающий в длани божественной.

За день до проводов доброго Старого
в тёмной и странно оформленной комнате,
в реющем сумраке зимнего марева
влажно мерцают бездонные омуты...
Плотью воды облачённая бережно,
кроткая капелька, тихое облако,
мой оберег, неразменная денежка –
в теле Инари*, в изменчивом облике.
Блик перламутровый (кем это велено?
кто его сеятель? чем его выкупил?) –
в мир отзывается остро и зелено,
а под ладонями – нежно и выпукло,
и преломляет немой и измученный,
с вонью тоски и взрывчатого сахара –
в зеркальце поля, речную излучину,
пятнышко буйвола, семечко пахаря.

«О», очертание, руна сакральная,
бусина жемчуга, гемма сладчайшая –
в рисовой грозди на звёздной окраине,
над горемычными чёрными чашами.

* Богиня риса (яп.).

Над безотрадными скудными долями –
горний подарок, судьбы приношение,
светлая, справная, лёгкая, вольная,
женственно, царственно-несовершенная...

Хлопьями света окно переполнено.
Блики мерцают на теле опаловом,
льются по льну. Утолённую полночью
снами становятся искорки палые.
Зимние ангелы зёрнышко жалуют
пухом крылатым, небесными стаями.
Год истекает и преображается
снегом несметным и незабываемым.

ВДОЛЬ РАННЕГО

«Оставаясь водой».
Ольга Андреева

И снова читал. И понял, как было.
Водой оставаясь, талой слезой,
она узнавала поэзии силу
и наш мезозой.

И были русла уже тесны ей,
любому клише грозил остракизм,
но всё ещё ставила прописные
в истоке строки.

Она и вправду не представляла,
как много умеет помнить вода,
а память – «не знаю» переплавляла
в негромкое «да».

Свобода воли, свобода боли –
соседи... Кому находить легко
в запруде, луже, на рисовом поле
морских светляков.

Когда пересохшая жизнь мелеет,
мельчает строфа и струна хрипит –
дарила ливень в сезон суховея,
ему вопреки.

Стихии голос, природы малость –
искала единственно точный знак
и соль. А соль навстречу старалась
почувствовать, как

в густом пространстве, в крутом растворе,
опознанный ей пока на глазок,
с рассветом припал к поверхности моря
холщёвый мазок.

ПОПЫТКА ВЗЛОМА

Зачем тебе мои стихи?
Они, конечно, могут много...
И жар весёлой чепухи,
и дар лирического слога –
весь мой слесарный инструмент,
от заголовка до кавычки,
я применяю на момент
изготовления отмычки.

...Открыть мой яшмовый ларец,
мою узорчатую дверцу...
Хоть я порой и плут, и льстец –
мои стихи идут из сердца
и не лукавят ни на ногу.
...Через черту переступить,
твое тепло ласкать и пить,
твои глаза губами трогать...

Но нам, пожалуй, по плечу
общаться без изящных правил.
Ведь женский шёпот «я хочу...»
я не колеблясь бы поставил
с любой поэмой наравне.
Сонет ли, пышная тирада
не стоят слов: – «Иди ко мне,
побудь со мной, моя отрада...»

Зачем тебе мои стихи?..

Эта внутренняя речь,
ну а может – нутряная –
(здесь о ней напоминает только зыбкое тепло) –
может литься, может течь,
или форму принимает,
если словом обнимают, лепят лепетную плоть.

И по райским муравам,
и по личной преисподней –
вот и выбежал на волю расторопный ручеек.
Но вот именно, что там
всё как раз и происходит,
не вникая ни на долю в назначение своё.

Вещь в себе – особый сорт
между прочими вещами:
на агоре не вещает, в тесной келье ворожит.
Плодородный влажный сор
день стиха предвосхищает,
насыщает и смущает всё могущим словом «жить!»

120

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

ПЕРЕД ДОЖДЁМ

Этот ивовый лес, драгоценный квезал*,
даже целая стая с хвостами до трав
и до ряски речной, где растёт стрекоза
на осоке. Где солнце подвергло с утра
перекрёстной атаке зенита и вод
бедолаг-рыбаков. Где в дремучей жаре –
пятимерного чувства избыточный код,
стрекозы голубое тире.

Этот перистый лес для тебя берегли.
Мы его толмачи и его же улов,
мы следим, как восходит энергия глин
по канатам из хмеля в рангоут стволов,
и от влаги парной, от ленивой воды,
от соблазна – уйти не останется сил,
хоть купаться не след, потому что следы
по колено впечатаны в ил.

Он растёт полосой на краю у полей,
у границы разумно устроенных нив,
обрамляя протоки державы своей
и морёные ветки туда уронив.
Улыбнись же, душа, *отдохни от забот*,
этот лес о тебе забывать не велит,
и любую тугу загрузит собой
плодородная умбра земли.

Опрокинута в небо, растений поверх,
ты лежишь у пригорка на тёплом плече,
но другой окрылённый, поэзии стерх –
он взмывает сквозь гребень отвесных лучей,
отпустивший грехи и простивший глухих,
отразивший пернатым своим молоком
совокупность стихов, и стрекоз, и стихий,
и растущих над ним облаков.

.....
* Священная птица майя.

СОНЕТ ДЛЯ НАС

Нам повезло, что в этом мы не лжём,
что можем дать и взять, не оскорбляя,
что позвоночник прям и не виляет,
не егзит испуганным ужом.

Не унижаем душу дележом.
Восьмая и тем более Седьмая –
они вины за нами не признают,
хоть чувство своевольно и свежо.

Черновики поправить не вольны,
но снег в ложбинах, след морской волны
и запахи альпийские густые –

как лучших строк обетованный свет,
как терпкий вкус вина негласных лет,
как золото вечерней Византии.

ОТРАЖЕНИЯ

121

ОБРЕТЕНИЕ ВОДЫ

На убывающей луне возьми немного крупной соли
и с лунным светом в равной доле в воде смешай.
Когда на дне исчезнут мутные кристаллы,
поставь стакан перед собой.
Сегодня встретишься с Водой, пока еще не рассветало.

Без заклинаний и свечей,
вне власти тусклого рассудка —
она блестит светло и чутко,
и можешь ты доверить ей
желанья тайные, глухие,
ведь вы воистину вдвоём!
С тобой — вода, твоя стихия,
прозрачный, трепетный объём.
Она поймет твою надежду,
во всем к тебе благоволя.

Не покажи себя невеждой,
и в этот час не позволяй
не только суетного слова,
а даже внутреннюю речь...
Но часть энергии живого
освободи — и дай потечь
в ночную воду из щепоти.
Да только делай все всерьёз!
Она — в твоей греховной плоти,
она — в твоём солёном поте
и в блеске благодарных слёз.
В любом глотке и в капле каждой
твоей горячечной крови
она — твоя!.. И всюю жадой
ее на помощь позови.

И если сделать всё, как надо,
то как остаться ей в долгу?..
И ты почувствуешь прохладу,
потом услышишь тихий гул,
потом заметишь неустанный
переплетающийся ток.

Тогда, не медля, из стакана
отпей единственный глоток...

Как неожиданно и странно,
что это тонкое стекло
несёт частицу океана
со всем, что в нём проистекло!
О, океан, моя родня!..
Сейчас, творя себе кумира,
я нахожусь на грани мира,
где он приветствует меня!
Где, как желанная предтеча,
голубовато-зелена,
ко мне на радостную встречу
идёт все новая волна,
в неиссякаемом порядке
всё новый зыбится карниз
и циклопического складкой
себя обрушивает

вниз.

И мерный грохот — как крушение
всего, что сделали со мной
слепые жертвоприношенья
несправедливости земной...
Как долго ты блуждал один,
без покровителя и друга...
Не знаю, в чём твоя заслуга,
но это время позади
с бесцветных будней чередой,
разъединённых, растворённых —
и снова оплодотворённых
великой сущностью — Водой!

Бледнеет ночь. Аэролиты
идут к земле косым дождём.
Давай немного подождём
награды, в будущем сокрытой.
Обетованная вода
теперь с тобой всегда и всюду,
и можно быть любому чуду...
не будем спрашивать, когда.

В полном формате второго аспекта,
освободясь от скорлупы,
ярый желток
кверху плывет в перспективе проспекта.
Веток снопы...
Глазом скопы
смотрит восток.

Улицы полнятся жёлтою кровью.
Тяжесть теней.
Каждый карниз
рухнуть готов...
Сотни сомнамбул толпятся на кровлях,
ближе к луне,
вытеснив вниз
местных котов.

Все декорации – в стиле Лесажа.
Ярче, больней
свет проливной
млечной зари!
Жуть полнолуния. Хлопьями саж
плещутся в ней
рядом с луной
нетопыри.

Дыры и ямы, провалы и ниши
бес Асмодей,
чёрен и хром,
лепит из тьмы,
и оседает на ржавые крыши,
в души людей –
никель и хром
лунной зимы.

Леди Луне, полуночному диву
сна не дано.
Вечный изгой
в звёздной степи –

то ли Селена, то ли Годива –
в лике одном –
плотью нагой
напрочь слепит.

То обернётся гулящей девицей –
и напрямик –
в пасти теней –
тех, кто охоч,
то заплетает вирши в косицы,
как домовик – гривы коней
в лунную ночь...

ЛОТОС

Ом мани падме хум

...И никогда не знает свой шесток
художник, гений времени и места.
Однажды он нарисовал цветок –
одним намёком, косвенно, окрестно.

Вот луг, цветущий на разделе сред,
заткавший заводь пологом узорным,
а каждый лист листу другому вслед
наследует пространство без зазора.
И эта плоть роскошна и резка,
она сверкает глянцево и рьяно,
а лотос пуст... Ни одного мазка
не положила в контур кисть Сарьяна.
В нем только белый, то есть все цвета.
Сияя полнотой неразделённой,
чудесно проступает Пустота
сквозь Лотос, белоснежный на зелёном.

Не угнетён обычая пятой,
послушный только внутреннему зову –
художник знал. И Будды дух святой
глядит из тела лотоса нагого.

СОН БАБОЧКИ

Он был и поэтом, мудрец Чжуан-цзы –
он знал мироздания основу,
струи водопада трёхмерный язык,
безмерное творчество Слова.

Пока он сандалии плёл не спеша
а после дремал безмятежно,
менялись местами с душою душа
в касании лёгком и нежном.

...Счастливая бабочка спит на сосне
частицей живого кристалла.
Философ ли сделался ею во сне,
сама ли философом стала?

Осеннее солнце... И прелесть игры
божественных Иней и Яней.
Текучая форма. Блаженный порыв
крылатых сознаний.

126

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

ОТРАЖЕНИЯ

127

ТРИ СОЛНЦА

Тем, кто поверит

Присущие миру, как выдох и вдох,
три пламенных солнца по небу идут.
Являет планете тройную звезду
незримая тайна, единая в трёх.
В исконном порядке, который вменён
законом вселенной и мерой земной,
тройным циферблатом в трельяже времён,
сияющим цугом плывут надо мной.

Три Света скользят по упругой дуге.
И первый, белее полярного льда,
в лучистой короне алмазный брежет
из будущей жизни восходит сюда.
Нездешнее солнце, блистающий дух
прозрений, наитий, пророков, жрецов,
японская астра в небесном саду
потoki времён заплетает в кольцо.

Вторая звезда – изумрудный портал,
светило, которое видят в раю –
в идей и событий согласный хорал
вливает глубокую ноту свою.
Пространства прошиты спиральной волной,
мгновенны послыскы сквозного луча.
И дело творения смысла полно,
и солнца галактик синхронно звучат.

А третьего солнца пресветлый фантом,
ласкающий душу и внятный глазам,
встаёт и уходит немного потом.
И протуберанцев горит органза,
и крутится-вертится спелый ранет,
где джунгли и люди, базальт и вода,
блаженно вбирая божественный свет...
И третий закат наступает, когда
отстав на полтысячи здешних секунд,
даруя вечерней зари благодать,
уже окунается алый корунд
лицом утомлённым в багровую гладь.

Р
У
Б
Е
Ж
И

128

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

ДРУГОЙ АРДЖУНА

*«Бхагавадгита» гласит, что Кришна,
разрешая сомнения Арджуны, приобщил
его к сокровенным тайнам духа...*

...И Он воплотился, прекраснейший облик приняв,
а взгляд пламеносный затмил бы любую зарницу.
И два легконогих, как лотосы – белых, коня
по ровному полю неспешно влекли колесницу.
И мир проница – от капли до каменных плит,
от градов небесных – до джунглей зелёного лона,
Всеведущий Кришна с печальным Арджуной стоит,
стоит одесную и с ним говорит благосклонно:

– Ты избран, Арджуна. Пока Я с тобою – внемли! –
замолкли ручьи, и затихло дыхание ветра,
и лист облетевший не может коснуться земли,
и замерло время на глади лугов Курукшетра...
Потомок властителей! Сталь и горящая медь
уже сопоставлены грозным велениям рока.
Но ради чего собираешься *ты* умереть?
От этого нет никому ни малейшего прока!

Ну, что из того, что сегодня с обеих сторон
готовятся к битве друзья и родные по крови?
Заметь, победитель стяжает и славу, и трон.
Твоим недеянием всех не спасти. Прекословя
судьбе – потеряешь. Ты видишь улыбку Мою,
Подателя истины и Сокрушителя злобы?
Забудь о невечном – и щедрым потоком пролью
всё то, что иначе по каплям тебе низошло бы.

Ты смел, ты отважнее прочих. А всё-таки знай,
что в этом сраженьи, где вас уцелеет немного,
имеешь, чего никакая не купит казна:
тебя охраняет ладонь всемогущего Бога.
Я тот, Кто любовь и возмездие, милость и плоть,
Кто зиждет и движет светила, планеты и луны –
и Я говорю, что не нужно о них сожалеть.
Сражайся, Арджуна!

Зачем бы Я дал эту силу и гордую стать
и в плотную массу героев принудил стесниться?
Зачем бы Я луки напруг и заставил блистать
доспехи и сбруи, мечи, человечьи зеницы?
Щиты, колесницы и злая копейная ость –
одна только Майя, игра Всемогущего Гуру!
Направо – эбен, а напротив – слоновая кость...
Всего лишь фигуры, Арджуна, всего лишь фигуры.

Ведь *только тела* погребальные примут костры,
и жалость тебе не пристала, как дубу – омела.
Возвысившись духом, пойми непреложность Игры!
Ты кшатрий*, Арджуна, и делай суждённое дело!
О, лучший из лучников! Выбери верную цель!
Кому неизменно довлеет невежества гуна** –
достойны ли жертвы в твоём отрешённом лице?
Подумай, Арджуна!

А руки твои – да пребудут, как прежде, чисты.
Во грех не зачтутся колосья, что карма скосила.
Ты Свету угоден – и Света исполнишься ты.
И будет расти совершенная мудрая сила,
и будут радения с теми, кто веру куёт,
рассветы над Гангом и женщин горячие очи!
Ты станешь великим пандитом*** во имя Моё,
ты сможешь вести и учиться!..
И что же – не хочешь?..

Строптивый юнец... Не безумен ли, Мне вопреки
отвергший веление жизни и знания благо?..
...Сейчас зарычат барабаны, взметнутся клинки,
и жутко слоны затрубят, напоённые брагой!
Я лезвие вижу, что гибель тебе причинит –
и плоть затрепещет, и жилы порвутся, как струны...
Мой первый из первых, любимейший Мой ученик...
До встречи, Арджуна!

.....

* Принадлежащий касте воинов.

** Духовный принцип

*** Высокоучёный мистик.

НУ-КА, ГРОХНИ, МИТРАЛЬЕЗА!..

Пусть гаолян вам навевает сны...

Степан Петров (Скиталец)

Это просто, очень просто – логика войны.
Канарейка просит проса, золота – наймит,
и всегда, опять и снова, йеху из пещер
ищут власти. Им до Слова дела нет вообще...

– *Мы кирасами одеты и лихи в бою!*
Мы хотим вон то и это! ДАЙТЕ!.. Не дают...
– *Ну-ка, грохни, митральеза! Грянь, единорог!*
Расплескайся под железом, розовый творог!
Чтоб отбор не прерывался внутривидовой,
и никто не порывался думать головой!..
– *Нам и Лета – по колено, по шнуровку – Стикс!*
За прекрасную Елену, за идею-фикс –
шире шаг! За плечи ранцы! Фас, ату и пиль!
Наплевать, что до поганцев десять тысяч миль!..

С негодующим азартом, манием руки –
азиатским бонапартом двинутся полки,
чтоб не смел тащить на ложе девы молодой
этот мерзко-бледнорожий с рыжей бородой!!!
...Их начнет увещевати – эдак и растак –
благородных демократий жилистый кулак,
чтоб боялся до поноса, сам себе не рад,
черномазый, горбоносый, узкоглазый гад!!!

Как обычно перед дракой, жарят петуха –
и мотается на траки чья-то требуха.
Ради пирровой победы плюнет огнемёт,
прыгнет прыткая торпеда, лазер стебанёт,
кто-то с треском проутюжит горный кишлачок,
кто-то – стингер лапой дюжей вскинет на плечо,
кто-то джунгли или пашню фосфором польёт,
кто-то – в лакомую башню всадит самолёт.
В лоне власти, как пигмеи, чтящие табу,
мы имеем, что имеем – тёмную судьбу.
И, железом порастая, нас имеет факт...
...Если сбились в волчью стаю, или с чёртом – «фак»,

134

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

или с личным эго в блюде – что ни говори –
это люди, только люди, а не упыри.
Правда, гадить могут вдосталь, в грабеже вольны...

Это просто, очень просто – логика войны:
крахом плоти, страхом силы удобрять поля,
чтобы гуще колосились рожь и гаолян.

БАГРОВЫЙ ЭТЮД-2008

1.

Сквозняк из пекла после смога!
Сезон – Аравии подстать.
Его и бурю тревогу
уместным слогом описать
питомец Кафки, верно, смог бы...
В проулках, вопреки налогам,
порхает мусора парша,
а заштитеет понемногу –
и вовсе нечем... Лишь душа
и коллективный разум сплитов
радеют жертвенно за нас,
но вся окрестная элита
давно на воды подалась.
Им шелестят фонтаны рая
и побережий вертоград,
для них Европа собирает
арлезианский виноград,
увековеченный Ван Гогом.
Скользит над пляжами дорога,
и всё спокойно, слава Богу,
почти как сотню лет назад.

...Жара, сводящая с ума
и сокрушающая тело,
у нас на юге переспела:
когда чудовищный томат,
вися на высохшей плаценте,
духовку к ночи накалит –
то ухом бедного Винсента
кровит багровый сателлит.
Горит жнивье, камыш горит.
Густеют веера и шляпы.
Густеет кровь... И отворить
её берутся эскулапы.

РУБЕЖИ

135

2.

Вот сгоряча один из них,
любимец Марса и любитель
ночных штурмовок и резни,
определяет старт событий
и танков, чёрт его возьми.
Сезон?.. уже, пожалуй, климат.
Ему за жаркую пальбу
подарки шлют Мадрид и Плимут,
Париж, Варшава и Стамбул.
К зелёным берегам евксинским,
остры, как лезвие ножа,
ползут корветы и эсминцы
демократических держав –
везут приветы и гостинцы.
Команды глушат оранжад.

...Над всей Европой – небо чисто...

Пора тиффози и нудистов,
пиратов круглого стола,
магистров шулерской колоды.
Парад блюстителей свободы,
возведших это в постулат,
из термидоров, комендоров
и кахетинских помидоров
приготавливающих салат.
Сколь астрология сильна!
Как звездочёты угадали,
что год, не износив сандалий,
в иные ступит времена?
Была холодная война –
всё было малость попрохладней.
Ах, боже мой!.. без мысли задней
страна купила порося,
а звали – Борькой... Но гласят
светила, свитки и скрижали,
что быть тому, чему и быть.
Что тем, кого мы обижали,
нас как-то не за что любить,
но той же избежать судьбы
им тоже повезёт едва ли.

Ещё не раз горшки колоть.
Ещё не завтра время канет,
где наш родимый триколор –
противу их матрасной ткани.
Ещё грядут сороковины
и осетина, и кацо,
кто был во тьме разорван миной,
кто лёг с простреленным лицом...

3.

И снова дело к знойной ночи.
Глядим, как жёлтый миллиард
одолевают разных прочих
под гром оваций и петард.
Да, всё же есть одна отрада,
ещё оставленная нам!
Её зовут Олимпиада.
По золотым её серьям
дадут сварливым странам-сёстрам.
Хвала же тем, кто в гаме пёстром
взбудрил шарообразный Остров
и смеет смерть опровергать.

Немало мыслей многогранных
ещё примерится ко лбу,
пока введут в её программу
не только дамскую борьбу,
но стрельбы из морских орудий,
боев воздушных чехарду,
где *понарошку* гибнут люди...
Пусть имитация остудит
уродцев, сеющих беду.
Да будет так.
Ну, а пока
полсвета спит, к руке рука –
от австралийца до японца.
Багров закат, рассвет бордов...
И плавит шапки вечных льдов
вконец разгневанное Солнце.

СВЕРХНОВАЯ

Когда холодные циклоны почти утихнут над землей,
и станет мхом на южных склонах перегоревший рыжий слой,
замельтешат в пещерах крылья, покинет отмели отлив
уже с одной свинцовой пылью...

Когда, коросту соскоблив,
перетерев бетон на щебень в пространствах всех материков,
пойдет назад лиловый гребень тысячелетних ледников...

Когда из почв, насквозь прогорклых, из глубины, из черноты,
на остеклованных пригорках родятся странные цветы,
в кустарниках пролягут тропы, проснутся шорохи...
Когда
в огромных кратерах Европы заплещет талая вода...

Когда в долине Потомака, встречая свой последний день,
разумная полусобака ударит кремнем о камень,
и задымит трава сухая, восторгом шкуру ознобя...

...тогда нависнет, распухая, распространя из себя
испепеляющее пламя, слепящий смертоносный жар,
над океаном, полюсами, над вспыхнувшими волосами
непредставимо колоссальный
кошмарный ШАР.

Взлетит когтистая рука косым движением защиты –
но испарятся облака, и станут плавиться граниты...
И грянет огненная кара под рев вселенского пожара,
под треск континентальных плит.
За преступление запрета звездой убитая планета
кровавым паром закипит.
И станет мир пустыней снова, и из него исчезнет слово
на миллиарды лет вперед...
Когда в пылание Сверхновой вишнёвой косточкой багровой
Земля скользнет.

МЕЖДУ ВОЛКОМ И СОБАКОЙ

...Наутилус, огромный ядерный левиафан –
с развороченным боком. И всё, что внутри – наружу.
Поиграл в солдатики некий террибль анфан* –
и в глазах адмирала – тоскливый и горький ужас...
А подумать – житейское дело. Хотя масштаб
и сейчас ещё потрясает неискушённых.
Но пока у «больших людей» набекрень башка,
не скупись, плати за ленд-лизовскую тушёнку.
Это так, преамбула. Тысячелетний бред
создаёт сюжеты, и трудно от них очнуться.
Это почерк дьявола, это копыта след.
Возмущаться бестолку с нашей моралью куцей.

На моём столе распахнут веский альбом,
образец детальности, умный подарок друга.
До кишок пробирает, почище виски со льдом,
оружейный атлас периода Кали-Юга**.
Там отмечено всё, что случилось с умом больным.
Там заточено всё, от «Полариса» до ассегая.
И поэт, превосходный мастер, дитя войны –
он-то знал, как цепляет за сердце сталь нагая.
Это вам не стамеска и не канадский топор.
Человек с оружием – это другой мужчина.
Эффективно проводит внутривидовой отбор
существо, пришедшее в жизнь для её зачина.

Уж такое племя, и нечего тут ловить.
Да и космос – тигром, а не коровой дойной.
От кого известно, что в свете святой любви
мимо власти Творца вселенной любая бойня?!
Ведь не даром смерть черепа катает клюкой,
и почти любой идеал фарширован ложью?
Несомненно, что всё лежит под Его рукой,
и во всякой малости явлено семя Божье.
Но когда малейшая воля Ему важна –
то и Враг силён, и любая мораль – в горошек.

* Чёртово дитя, ужасный ребёнок (фр.).

** Железный век (санс.).

138

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

РУБЕЖИ

139

Он судил и делал. Какого тогда рожна
нам делить природу на добрых и нехороших.

Но досаде твоей ничего не дано свершить,
как душе не постичь дилемму ада и рая.
...Иногда мудрец наполняет галькой кувшин,
чтобы в нём, неподъёмном, вода поднялась до края.
Вот и здесь, быть может...

И Бог разделил язык,
чтобы тьма мечом, словно лемехом, нас пахала,
потому что музыка сфер – из жутких музык,
и людей золотого века не терпит хаос.
Потому что яростью недр, камнями небес –
молодой и жадный, страшнее атомной бомбы –
он сжигал и плющил, присваивал нас себе
и от века вершил всемирные гекатомбы.
А теперь, по пути разоряя своё жильё,
мы лишаем его перспективы импровизаций.
На войне, как на войне. Кто же, кроме неё?..
Броненосный зверь – несравненный цивилизатор.
Так неужто мы, миллионы вокруг убив,
отвергая слепо попытки других ответов,
сберегаем шанс для прихода Твоей любви
и куём кольчугу, чтоб ею прикрыть планету?..

Вот тогда, наконец, рука опустит стилет,
разожмёт сердца всемогущая вера в чудо.
«Не забуду тебя» – сказала один поэт.
Колыбель моя... *«как прекрасна она оттуда!..»*

СНАЙПЕРЫ

Чёрная дыра зрачка вставлена в систему линз.
У химеры – глаз без сучка. Глаз химеры целится вниз.
У химеры – камуфляж. Высоко взлетела, тварь.
Превращает площади в пляж, на асфальты льёт киноварь.

Киев, Вильнюс и Москва перед ней лежат пластом.
Им ли о телах тосковать, если души смяты пестом...
Профессиональный ствол цокнет – и проблемы нет.
Деловитый смерти укол – с людоедом наш паритет.

Длинным пальцам мертвеца хочется живых сердец,
толку, что в конце-то конца свой же в глотку брызнет свинец.
Он не знает полумер. Варятся идеи-фикс
в черепах таких же химер, в кабинетах с номером «икс».

Смрад, и блуд, и ложь – их дух. Подоплёка шкуры – бакс.
Письмецо от «сорока двух» – деликатный им пипифакс.
Синдикат, консорциум, пул, подлости замес на кровях.
...Векторной проекцией пуль ненависть прошита моя.

ОБЕЗЬЯНЫ

– Вы понимаете, что обезьяны идут на город? –
спросил Дональд.

– Ну и что? – растерялся Андрей.

– Действительно – ну и что? – сказал Дональд
и неприятно рассмеялся.

А. и Б. Стругацкие. «Град обреченный»

Обезьянье кубло – попробуй, дёрни какую-нибудь.
Каждая держит соседа за надлежащую часть.
Плотное множество, про эволюцию – напрочь забудь.
Этот кластер, клубок, комок называется «власть».

Это есть круговая, точней, шаровая порука.
Погляди, как скрючены лапы, хребты, хвосты.
Эта шара особей (слава родной науке!)
без гвоздя и клея подогнана точно встык.

Каково сгустились, активностью обуяны!..
Электричества – ноль, но зато синдром кучевой.
Неизменный фарш, наши сукины обезьяны,
начинившие суд, полицию – много чего.

Что теперь – на попятный, мухой в гости к арахне?
Или вновь к идеалу костями дорогу мостить?
Респектабельностью революция и не пахнет,
но и в этом коdle прогрессу не прорасти.

Да одной Кущёвки, батеньки, с лишком достаточно,
чтоб любым европейским премьером заткнули очко...
Перспективы наши, понятно, светлы и паточны,
а уставшую нацию держат за дурачков,
для которых скоро стодится и чай с сахаринном.

Где вы, братцы-варяги?! История – колесо!
Я под пыткой не отдал бы им Курил с Сахалином,
но за медные деньги ссудил бы Сибири кусок.

Приходи, желтолицы! Мы не таких принимали.
Вы хотели Урала? Идите к нам на Урал!

Наши женщины вашим визитом смутятся едва ли,
а сынов Поднебесной встречают уже «на ура»...

Там у вас трясёт, а мы от просторов пьяны,
то ли глина на трактах сибирских, а то ли гной...
...А у них на Хоккайдо тоже живут обезьяны,
ну, и с нашими смогут поладить, им не впервой.

142

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

РУБЕЖИ

143

НОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Господа неподкупные судьи!
Мы, юристы – серьёзные люди...
Мой клиент, господин Бармалей,
выступает в процессе закрытом
в деле versus врача Айболита
(был недавно такой дуралей).
Я, покорный слугитель закона,
облечённый доверием оным,
признавая свершившийся факт,
Бармалея блюдя интересы,
опершись на свободную прессу,
изучил обвинительный акт.

В документе, солидном гроссбухе –
вперемешку котлеты, и мухи,
и астральное тело истца.
Но не сыщется в мире белее
реноме шевалье Бармалея!
Он работает в поте лица!
Посудите, ведь нужно кому-то
поставлять обезьян в институты,
где исследуют их потроха?!
А у дока поехала кровля.
Нарушая свободу торговли,
он вопил и руками махал.

Мой клиент не приветствует крика.
Он родился на острове диком,
где свобода превыше всего!
Где валы разбиваются, пенясь!
И послал старикашку на... этот...
ну, на место поставил его.
Но, увы, инцидент развивался,
мой клиент самооборонялся,
защищая свободы примат –
и теперь ему ломаются нары
за какого-то ветеринара,
кто, по сути, во всём виноват!

Обращаю вниманье присяжных!
В этом сборнике правил сутяжных
притаился глубокий изъян.
Кто отечеству нынче милее –
бизнесмен из Семьи Бармалеев
или родственник тех обезьян?!
Просчитайте. Подумайте. Взвесьте.
Не к лицу на ответственном месте
погремком уложений бряцать.
Что сегодня во благо народу –
лекаришек прокисших порода,
или плащ и кинжал Храбреца?..

144

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

РУБЕЖИ

145

МАССАРАКШ*

У несчастья свои назойливые резоны.
Человек, человечество – только вопрос числа.
... Сумасшедшая женщина с личиком искажённым
подбирала мусор и в урну его несла.
Из чего родился этот комок печалей?
Кто убил её детство, кем росток обожжён?
И глаза её извинялись, звали, искали,
а гримаса улыбки резала, как ножом.
Измождённый подранок, пыталась мало-помалу
разгрести пространство для жизни иной, большой,
исполняла дело, как его понимала
обнищавшим разумом, скорбной своей душой.

В океане есть острова из плавучей дряни,
исполиньские, не влезающие в окоём.
Из трясины цветной, из продукта людских стараний
поднимается солнце над мокнущим лишаём...
Чуть поменьше Гренландии и побольше Суматры,
где ни ряби, ни рыб летучих, ни рыбаков –
в колыбелях течений находкой для психиатра
размещаются и вольготно, и широко.

Массаракш. Накрывают пески, что саванной было.
Где жила антилопа – сегодня ползёт змея,
и суда в солёной пустыне на ровном киле,
на ржавеющих днищах обморочно стоят.
На поверхности рек проступают барханы мелей,
астматически дышат целые города.
Орбитальный хлам, миллионы гектаров пней ли –
чем сумеете чёрный промысел оправдать?
Вы опасны. Ты, Дориан из мусорной лиги.
Ты, гельминт из сената, конченное жульё.
Господин олигарх из обоймы других олиго...
Сумасшествие этих – большее, чем её.

Выбирай: или дети индуса, сакса и росса –
или власть отброса, который себя плодит.

.....
* Мир наизнанку (А. и Б. Стругацкие).

Выбирай, не задавая детских вопросов,
в силу права, определившего твой вердикт,
ради жизни, уничтожаемых тихой сапой,
ради женщины, искупавшей нашу вину.
Гоминид эректус, пока никакой не сапиенс,
прибери за собой планету свою, говнюк.

146

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

РУБЕЖИ

147

У ВОЛГИ (Опыт маленькой поэмы)

В память 92-го года

Он был в том городе вторично,
вернулся на свои следы...
Прохвачен мороком столичным
с тоскливым привкусом беды,
он миновал Москву транзитом.
С его аллюром-три креста
не возникал вопрос визита
в традиционные места.
За две недели до весны
и вечность целую до лета
он вновь приехал в город этот
с коротким именем лесным.

А город вязнул в снежном тесте
сырой и пасмурной зимы...
Когда-то в этом тихом месте
России лучшие умы
сосредоточенно ковали
большой политики ключи,
успешно что-то расщепляли,
и щепки были горячи.
Согласно логике борьбы
и в силу разности уклада,
от Казахстана до Невады
росли успехи, как грибы.

Входя в НИИ пустые соты
сквозь неизбежный турникет
во исполнение работы,
для коей сил и денег нет,
отлично это создавая, —
он выяснял и обсуждал,
и шла, как он того и ждал,
командировка деловая.
Касались плана разработки,
но вскользь и как-то не всерьез,

предположительно, нечётко...
И отстававшая подмётка
была всему апофеоз.

И вот, короткий день истратив,
в опрятном номере пустом
на неразобраной кровати
лежал и думал он о том,
что шла не к делу, а от дела
его служебная стезя,
что эта скудность надоела
донельзя (*или до нельзя?..*)
Что разрушители бастилий
еще не стёрли пот со лба,
как пошлый клоун правит бал
в зловещем гофмановском стиле...
Что в том краю, где всякий раз
в награду суетных уловок
он черпал радости запас
в конце своих командировок —
на этот раз, скорей всего,
уже не очень-то и ждали...
И стены номера его
от этих тем не ограждали.

Минуты медленно брели
по полигону циферблата.
Ложиться было рановато,
но день истаивал вдали,
и облаков темнела вата,
и обозначилась утрата
скупого света от земли,
покрытой серыми снегами,
и серый мрак-сюрреалист
сминал реальность, словно лист,
изготавливая оригами.
Казалось, время завершило
порочный круг (*или овал?..*)
И было все ему немило,

148

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

РУБЕЖИ

149

и тело тягостно ломило...
Пожалуй, он заболел.

Но из гостиничного холла,
одолевая дурноту
и мыслям подводя черту,
он вышел в парк, пустой и голый.
Сейчас ему бы пригодился
живого воздуха глоток.
Он вышел – и остановился.

Стоял февраль. Вернее, тек
и понемногу уменьшался...
Сочился влагой по стволам,
в своем движении мешался
с древесным духом пополам,
в полувесенней мокроте
туманом млечным поднимался,
и вечер вторника казался
изображенным на холсте,
сыром, белесо-серо-сизом.
К ночной реке, к обреза льда
по прошлогодним травам, низом,
под снегом двигалась вода,
и всё вокруг питало связь
между собой и миром прочим,
и всё менялось, становясь
частицей оттепельной ночи,
и русел множилось число
в дремотном лепете капли...

Кругом проталины чернели,
и в каждой дерево росло.
Росло – и в то же время было
бассейном крошечной реки.
И это все происходило
на расстоянии руки!
Снег оседал. Туман густел.
Стояли, темные на белом,
десятки узловатых тел,
объединённых общим делом,

и были глубоко чужды
в своем содружестве спокойном
паскудству власти, малым войнам,
поступкам нашим непристойным
и жалким проискам вражды...

А ночь – плыла! Она была
залогом мартовского солнца,
весны, надёжного тепла,
и за собой его вела
сквозь водяные веретёнца
по рыхлым тропкам, шаг за шагом.
Она тянула и звала,
в ручьи сливаясь по оврагам,
к большой воде, зеркально-черной.
Там, под обрывом, Волга шла,
свободно, медленно, просторно.

И он пошел, как на цепочке,
спустился к кромке волжских вод,
туда, где сотни ручейчков
точили ноздреватый лед,
в иные следуя места,
чтобы опять начать сначала...
И все, чем снег вчерашний стал,
переплеталось и журчало.

И только в горле было сухо,
и он глядел в ночную мглу
большой щетинистой мухой,
прилипшей лапами к стеклу,
и сердце колотилось глухо.
Он ясно чувствовал границу,
настолько сам себе убог!
Он так хотел соединиться,
сродниться с этим... И не мог.
Он был чужим в пространстве этом.
Поняв его живую суть,
он ждал какого-то ответа,
он взять хотел с собою в путь
хоть каплю влаги, хоть чуть-чуть
туманного ночного света!..

Но не умел найти хоть где-то
и – что ни будь! – взамен вернуть.

Перед сегодняшним не прав
и перед будущим виновен,
он не умел найти добра
в лежалой груди пустяковин.
И лишь печаль, сгибая плечи,
была сильна и глубока,
как эта русская река,
что шла и шла ему навстречу.

Они не горят и не тают, ветром не треплутся,
кукушкины дети, вернейшая из валют.
От реплики «тройки» до сонного женского лепета –
кроят, вырезают, лепят, сердце куют.

Все наши рубахи шиты ими и пороты.
О чём бы не пёкся, не обретался где б –
они прирастают намертво. Долго ли, коротко –
становятся жилистой плотью наших судеб.

Эфирным движением духа, иной ли оказией
окажется семенами в сыром саду
и то, что впиталось бумагой, и то, что сказано,
и то, что на самом деле имел в виду.

Прими и владей, с вниманием и опаскою.
Фонема «люблю», могучая мантра «ОМ»,
и корни идей, и совести пламя адское –
одним рождены, единым встают стволom.

Молчальник не прав. В брожение хмеля и солода
лишь этот фермент признаёт Вселенной бадья,
и быть по сему. И всё самоварное золото
не стоит свободы лихого не воробья.

О СТИХОСЛОЖЕНИИ

1.

Сначала появляется строка...

...которая, вниманием владея,
туманно намекает на идею,
едва определимую пока.
И кто бы знал до этого момента,
что муза, залучившая клиента,
от всей души вручит кота в мешке?
Заявится восторженная нимфа –
и вертится заезженная рифма,
как вошь на гребешке...

Строка, не признающая отсрочки, –
с наивностью проклюнувшейся почки,
с томлением набухшего зерна
она и ждёт, и жаждет, и стремится –
а ты сейчас – и бездарь, и тупица.
Напрасно заунывная зурна
проигрывает бездну вариаций.
С три короба одних аллитераций –
а толку ни хрена.

Высматривая будущего знаки,
пожухлые лексические злаки
упрямо культивирует стилист.
Попробует на вкус – одна половина...
И фраза вяжет рот, и вновь ни слова
не выдавить на лист.
И он с досадой пёрышко кладет
и даме объявляет нелюбезно,
что новые попытки бесполезны,
что дело не пойдёт.

2.

Но вот, когда ты музе дал отставку,
когда идёт здоровье на поправку,
когда, казалось, кризис миновал –
та самая, первичная идея
войдёт с неумолимостью злодея –
и поражает душу наповал!
Та самая, первичная строка,
блестящая, а может быть, скупая,
твои грехи мгновенно искупая,
приобретает функции курка
для напряжённой арбалетной стали.
А дальше... как любовь на карнавале,
где все и можно, и как раз пора,
где всё определённо состоится,
где утром просыпается царица
в объятьях школяра.
И кто дарит, и кто овладевает...

Слагаются, растут, отвердевают
в едином непрерывном катаклизме
рифмованного смысла острова,
и остается только удивляться,
откуда, в самом деле, могут браться
в таком небезупречном организме
такие совершенные слова!
Но удивленью – миг, а делу – время...
...Ломает корку огненное семя,
и каждый вдох – короче и плотней,
а каждый выдох – стóпами размечен,
и черпаешь из океана речи
по праву говорящего на ней.
Причудливые формы принимая,
реальный, как ведическая майя,
но лишь тебе открывшийся мираж,
отзывчивый на жадный голод крови,
изменчивый в самой своей основе,
ложится под гранёный карандаш.

154

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

РУБЕЖИ

155

156

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

И мысли смелы, и слова покорны,
и гул преображающего горна
непререкаем, неостановим,
и благодарной радости избыток...

Когда бесстрастно свёртывает свиток
незримый шестикрылый серафим.

3.

Уже свершён над пропастью полёт,
уже дыханью попросторней стало,
а эта совокупность материала –
ну, что же, с этих пор она живёт.
Она живёт, и жить – ее забота.

Сметаются остатки шелухи,
стираются неточные штрихи...
Заслуженно-ленивая Суббота...
И, может быть, теперь возникло что-то
с названием «стихи».

РЕЦЕПТ

...Возьми чекан – с цезурой или без.
Решай цветок вербального искусства
в архитектуре панциря лангуста, –
рискованно, как требует прогресс.

Сработай так, чтоб всякий след исчез
спокойной рифмы и простого чувства,
и окружи метафорами густо
изысканного пестика протез.

Да не забудь каприз твоей души
слегка обжечь, чтоб там не мельтешил
случайный жук!..

И, это всё содеяв,
на белый бархат выложив сонет, –
ты можешь дать в витрину полный свет.
И в нём сверкнёт стальная орхидея...

РУБЕЖИ

157

ПРОЛОГ К «ЗОЛОТОМУ КЛЮЧИКУ»

Он сидит на стуле, греется у огня.
От него ложится тень на щербатый пол.
За стеной метёт. Но событий лихой сквозняк
никаких щелей в мастерской себе не нашёл.

И, однако, холодно. Только он да очаг
согревают друг друга. Тюбиков скорлупа.
На гвозде куртка – нет ни жены, ни чад,
потому и азбуку некому покупать.

Он почти старик. Ладони ловят тепло.
Интерьер скупой из темени по углам
и еловых подрамников. Верный ему оплот
не пускает сюда лишний и праздный хлам.

Он прошёл сквозь жизни пожар и успеха дым,
он видал и гари, и блики ночных костров,
он глядит туда, куда не попасть другим –
уроженец вольного города Мастеров.

Ничего нигде никогда не сгорит дотла.
Приручает пламя зябкий ночной рубеж.
На полу палитра, кисть, и её краплак,
как язык огня, горяч, своенравен, свеж.

Он устал, но не это важно – щедры дрова.
Он успел сегодня сделать, что захотел.
Допотопный свитер добротен и мешковат,
и пылает жаркий очаг на его холсте.

В своих авто, как на канатах рингов,
истомно развальясь,
пролистывая Кристи или Кинга
на пластике руля,
затор одолевают в темпе слизня,
и видит бог –
не отдадут за крепкий ветер жизни
холодный смог.
А в этот час – под знаком Жюль Верна,
корзину золотя,
лохматый факел вспыхивает мерно,
и четверо летят
в объятии сезонного пассата,
как водится, без виз,
под кожурою тыквы полосатой
и смотрят вниз.
Каприз... великолепная причуда
бродячих трюкачей.
Не спрашивай – куда он и откуда,
и, главное, – зачем.
Беспечный дух свободного полёта
заведомо высок!
И вот – плывёт расцвеченное что-то,
тесёмки, туесок.
Скользящего над материнским лоном
по ветру без ветрил,
того, кто мир курчавый и зелёный
для путников открыл,
того, который с родниками рядом
роняет якоря, –
не тронут мегавольтные разряды
и «стингер» дикаря.
...А впереди – запёкшимся загаром,
пылание смилив,
ложится на снега Килиманджаро
кирпичный свет зари,
внизу – жирафы, буйволы и зебу...
И дымчатым стеклом –
вечернее оливковое небо.
Антициклон.

Облупленный зальчик – ни пива, ни мидий.
Обветренный вечер – и кто-то с тобой,
и славно живётся в просторной хламиде,
а рядом на сцене играет гобой.

Немного устало, чуть-чуть глуховато,
оставив за скобками прочий квартет,
дарует пришельцам печаль-модерато
и тему любви извлекает на свет
из чёрного щёголя с белым пластроном,
который сегодня угоден Творцу
и вот – исполняет в концерте гастрольном
мелодию жизни, пришедшей к концу...

Как длинно и больно, как сладко и жутко,
под слёзы на лицах, под ропот дождя
играет гобой, деревянная дудка,
из города Гамельна нас уводя.

ТАНЕЦ

Далёкой радости исток, росток печали.

...Поэты разных возрастов
стихи читали.

Под шум листвы, наперебой, легко и лихо
они в компании с собой
играли рифмой.

Мой август десять лет назад, орёл с монеты.

Опять косят туда глаза –
на сцену эту.

Тот август десять лет тому, родник историй.

Он был чудака и баламут,
он много стоил.

И вечер был из тех, что вдруг... В богемной блузе,
когда события вокруг
плетутся в узел,
и вызревают, и хотят водораздела...

И холодало не шутя,
и голубело.

И я завидовал чуть-чуть моим поэтам
из гущи публики. Но суть
ещё не в этом.

И вот вошла в пятно луча шелков потоком,
как глянец листьев, горяча,
душа Востока.

Тревожа лёгким каблуком дощатый бубен,
взглянула весело, мельком.

Молчали губы,
но эта девушка была блаженной речью,
стихам – беспечна и смела –
не поперечив.

В непостижимом далеке – цвела и пела
на архаичном языке
живого тела.

Зелёный трепетный чинар – в ракушку сцены
она была облачена

и знала цену
тому, что танец делал с ней. И эта сила
казалась Песнею песнёр,
стихов просила.

Но в горле – нежности клубок, посильной данью...
Она сама была – любовь
вне обладанья,
бесценным даром – и ничьей.

...Мой друг Гораций!
Среди расставленных мечей –
ручей вибраций
дразнил, обманывал металл и, флейте вторя –
ты помнишь? – длился и сверкал
на фоне моря.
Как долго музыка живёт. Сплетая звуки,
светились плечи и живот,
струились руки,
под трепет бёдер и кистей лицо молчало...
От магрибийских крепостей
до Тадж-Махала
в безмолвном танце шла любовь. Одеты сталью,
по лепесткам её следов
века ступали.

СТАРИК

...Этот шаткий шаг при прямой спине,
и замявшийся воротник...
Плоскодонной лодкой на злой волне
по бульвару идёт старик.
Он гордится статью своих костей
и забытых женщин числом.
Он годится внукам чужих детей,
как верблюд или старый слон –
но не любит смех, и поборник схем,
и живёт, как велят врачи...
Он судья для всех, но на пользу всем
исключён из числа причин.
Он заспал грехи и счета закрыл.
Под неистовый стук часов
он с экранов цедит бразильский криль
через сивую ость усов.

...Этот серый день, этот день сырой
нахлобучил седой парик...
Бормоча порой, под морщин корой
по бульвару идёт старик.
Для него лучится с афиш Кобзон,
а с дешёвых листовок – вождь...
Он опять забыл в магазине зонт,
и поэтому будет дождь.

ТАМ ЧУДЕСА

Сегодня – выходной, и это превосходно.
 На ярмарку чудес попасть угодно нам!
 Конечно, предстоят моральные расходы,
 но это – пустяки, по нашим временам.
 Оо-о-о! Этот дивный мир – почти как настоящий!
 Ты будешь в нём царём, когда по счету «три»
 волшебный коробок затеплит чёрный ящик.
 Один короткий миг – и ты уже внутри!..

Там театр цветных теней, Карибы и экватор,
 там против Молодца – Бессовестный Койот.
 Там любят простофиль! Там престиджитатор
 роскошный лимузин из шляпы достаёт!
 Там масленичный столб блестит, натертый салом:
 «Вращайте барабан! Звони! Купи! Сыграй!»
 Там пиво по усам, и йогурт по сусалам...
 Немного закуси – и снова в этот рай!

Вот сапоги висят, вот бублики для девок,
 вот нежный «Доширак»! Когда бы вамм-былл-данн
 еще один живот и дюжина гляделок –
 и то не потребить... Бессмертный Клод Ван-Дамм
 рихтует четырьмя кого-то на помосте,
 но только отведи на чуточку глаза –
 к тебе уже спешат и втюхивают тостер...
 Сходи, куда хотел – и сразу же назад!

И вот с тобой опять политик-ворожея;
 кровавых новостей перчёное азу
 томится на огне, а живчики ди-джеи
 вращают животом и делают «козу»;
 полпенсии хотят за обещаний горстку;
 за соболя идет предвыборный хорёк...
 Куда не повернись – лотошники, напёрстки,
 для шоу балаган, вертеп или раёк,
 упругий силикон, улыбчивые леди...

Чубатый цыганок, округлый от харчей,
 таскает на цепи трехцветного медведя,

востро сверкает глаз губернских щипачей –
 чего бы утянуть и где бы отчекрыжить,
 пока блестят огни на попках и грудях...

И правит выходной весёлый наглый «рыжий»,
 до каждого из нас глумливо снисходя.

ЯМА

Стоит в переулке глухая стена.
Нина Огнева

Погода с прогнозом опять не в ладу.
Гриппозных осадков влача череду,
обозы небесные с веста идут...
Поодадь лыжни для трамвая,
зловеще ощеря осклизлую пасть,
суля недотёпе пиковую масть,
над здоровым умом демонстрируя власть,
бездонная яма зияет.

Посуда для лучших данайских даров,
дыра – резидент Мирового Зеро,
длиннющий, покуда пустующий, ров,
соперник Большого каньона...
Опять коммунальщики, так бы их мать...
Им милое дело – копать да ломать.
Тоскует кутузка и плачет сума
о варварском племени оном.

Как любит коряк марлезонский балет,
как создан моряк для червивых галет,
как свежий синяк эндемичен скуле –
так – подле – фигур веренища
бредёт с обречённостью «граждан Кале».
...Промозгло, и впору совсем околеть.
И тянет моста некомплектный скелет
повисшую в небе десницу.

Прозападный ветер, вконец разъярён,
довольный собою, что пьяный барон,
сечёт, с четырёх налетает сторон,
проулки и шубы буравит...
...Когда-нибудь станет Большой лохотрон,
косая с косой ухмыльнётся хитро –
и новое русло пробьёт Ахерон
по этой дурацкой канаве.

Ах, много подарочков есть у судьбы,
Давай-ка не будем об этом забыть.
...Горелыми спичками тлеют столбы...
Воистину: «Jedem – das seine».
Прореха в пространстве, хрональный дефект
«футурум» отменит и «плюс квам перфект» –
и трудно остаться в сухих галифе,
и взор застилает слезами.

И дождь пополам с ледяною крупой,
и век, на невинные ласки скупой,
и то, что полтинника нет на пропой –
в летальный сливается пиксель...
А яма воняет, а мысли горчат,
из глины мохнатые вены торчат,
и ты понимаешь, как ловят крольчат
удава голодные. Dixi.

ПРИТЧА О СТРАХЕ

Ранним утром в колодцы стекает мрак,
горизонт выталкивает светило,
и саванну, насколько глазам хватило,
заливает его пламеносный зрак.
Чередой плывут кувшины с водой,
и мужчинам тоже найдётся дело,
и один из них, разминая тело,
налегке устремляется за едой.

Тот мужчина ловок и полунаг,
он силён уверенностью индейца,
он недаром хочет, не зря надеется,
он владеет Секретом и знает – как.
Где равнины вибрируют от копыт,
он найдёт положенную добычу,
и обычай охоты – его обычай –
существо намеренья подкрепит.

Он давно и до кочки знает дорогу,
и теперь, замыкая её в кольцо,
не спеша трусит со своим копьем
к аккуратно выбранной круторогой.
Та не видит в двуногом большой беды
и срывается с места. Но так и надо.
Он бежит, отделяя её от стада,
накрывая ступнями её следы...

Он бежит не час, не два и не пять,
огибая кустарник, форсируя вади,
он бежит убийственной цели ради,
отнимая надежду за пядью пядь,
заставляя фатальный итог принять,
предъявляя жертве свои резоны,
появляясь вновь на её горизонте,
возникая в зрачке опять и опять.

А о том, что можно круг разорвать –
быстроногой издревле знать не положено.
И она, сиротливой тоской стреножена,
принимает погибельной доли кладь.

Не желая видеть, не в силах сметь,
антилопа падает на колени,
и глаза её застилает тенью
краснокожий ужас, а следом – смерть.

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В КОТОМКЕ

Когда осенний плод, налитый соком пряным
и солнечным теплом, брала моя рука –
округлый и тугой, пахучий и багряный –
он говорил со мной на разных языках...
Весь мир, как этот плод, его черты и свойства
пятёрка быстрых слуг несёт тебе – изволь!..
Но тщетно и грешно пытаться его устройство,
пока не отточил шестое чувство – боль.

*птица летящая в вышине
рыба стоящая в быстрине
нищенка и король
черви и травы шары планет
те для которых бессмертья нет
знают что значит боль*

Немыслима любовь, бессильны кисть и слово,
ты сам, как бубен, пуст, пока их только пять...
В коловращенье чувств, что можешь ты искать
без зренья души и этого шестого!
Ведь тише паучка, прозрачнее воды –
смертельная тоска и жгучая обида;
неодолимый страх и гнёт чужой беды
тебе не различить по запаху и виду.

*режет и гложет жжёт и щемит
бродит под кожей тело томит
душу на части рвёт
мысль и желанья гонит вон
вяжет узлом убивает сон
силу и волю пьёт*

Ты мог смотреть в упор – и не заметить даже,
ты мог слышать всё – и доли не понять,
а боль не подведёт... Она всегда на страже –
жестокая, как рок, и чуткая, как мать.
Того, кто не желал признать её примата,
она сама найдёт – уж так заведено...

Но с целым светом ты – великое Одно,
когда кровоточат незримые стигматы.

*вечное дело быть за плечом
сторожем тела и палачом
хрупкий терзая дух
пламенем словом сталью лозой –
горем и стоном кровью слезой
ад собирает мзду*

И любо Князю тьмы на ранах сеять соль,
и весело ему когтями язвы трогать.
И вот, за грех платясь, ты прибегаешь к Богу
тогда и оттого, что постигаешь боль.
А та – не пощадит и плачу не поверит,
клыков не разожмёт...
Но тем она быстрее
в неведомый предел душе откроет двери,
придя в последний раз – на завтрашнем костре.

РУБЕЖИ

171

170

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

ПРИНЦИП ДОМИНО

Когда отдаст концы последний деспот...

Николай Скрёбов

Едва отдаст концы последний деспот
в какой-нибудь банановой стране –
ошмётком плесневеющего теста
он сгинет и во мне.

И в тот же час, высок и благороден,
смогу считать злосчастного врага
смешной ошибкой матушки-природы,
и вся-то недолга.

А следом этот хмырь (или хмырица),
не кат, не гад, не низок – не высок,
с моим существованием смирится
хотя бы на часок.

И вот – гибэдэдист с большой дороги
дневной разбой отложит на потом –
и шалый пёс успеет «сделать ноги»
от чёрного авто.

А там, глядишь, парламентские мишки
навстречу устремлениям людей
возьмут – да и поправят в Главной Книжке
разделы о труде.

Смягчатся нравы!

Меньше станет лютых.

И меньше станет дырок от гвоздей,
где суд и власть, халупы и приюты,
и далее – везде.

Итак, когда откинёт он копыта,
сыграет в ящик или дуба даст –
получат шанс на новую попытку,
кто грозен и зубаст.

И мы – не то, что давеча и нонче –
не будем мусор заметать в углы –
и, может, наконец, обломим кончик
кощевой иглы...

Пусть же под баньяном и оливой
не пляшут самбу на гнилых костях,
а в свете отдалённой перспективы –
долги ему скостят.

172

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

A
L
T
E
R

E
S
S

РЕТРОСПЕКЦИЯ

«Привет, прекрасная.
Под вечер, под ветра свист,
когда пустые парки мечут последний лист,
и осень тянет к паритету с листом пустым –
оставим склонность к пиетету, мы здесь «на ты».
Пусть и нечаянным манером – мы чья-то весть.
Мы тут слегка миссионеры всего, что есть,
и, разумеется, готовы признать родство.
А пишем разно: ты – и новый читатель твой.

...Из ряда книг – твоя не хочет стоять в ряду –
её уводит ломкий почерк, любви недуг.
Но неуместны комплименты. Сказать точнее –
тебе не нужно сладкой ренты с того, что в ней.
Глоток тоски – и счастья кроха. Свобода рифм –
и смятый всхлипом или вдохом размер и ритм.
Развоплощённое «сегодня», бытийный пат...
они бездомны и свободны – стихи без дат.

Они плывут рекой тумана, и странны тем,
что так мучительно желанны для вечных тем.
Крылатым семечком печали, строфой Басё
они летят, не замечая, что знают всё.
И если день бредёт на плаху с мешком улик –
ты можешь вызволить из праха надежды блик,
подозревать в дегтярной бочке следы её –
и ставить праведные точки над всеми «ё»...
Когда душа – в ушке игольном швеи слепой,
и даже от улыбки больно – одной строкой,
какой вовек не будет сноса – судьбу кроя,
ты ставишь вечный знак вопроса над всеми «я»...

...Самонадеянный невольник своих тирад,
так он писал, вполне довольный игрой пера...
И всё вместилось, кроме света ночных зарниц,
который шёл из книг поэта, со всех страниц.
Всё так и было, кроме чуда пяти хлебов,
когда от них, к добру ли, худу – взойдёт любовь.
Когда водой и солнцем Крыма – январским днём
она нахлынет нестерпимо в страде о нём.

Когда умолкнет на перроне любой глагол.
Когда он голову уронит в её подол...

Он знать не ведал и не чуял, разумник тот,
какая тихая пичуга гнездо плетёт.
И, погружённый в процедуру, в стихов гламур –
так он писал, несчастный дурень, сто лет тому.

НОЧЬ И УТРО

...и первое спряжение тел.
Жестоким шквалом плоть полощет.
Сердца пока ещё на ощупь, их стук свиреп и оголтел.
Их плотный яростный огонь переплавляет меч в орало
в чудесном тигле.
Ночь начала...
Ладонь оправлена в ладонь
и сквозь клубящийся эфир, во тьме от края и до края
зрачками пальцев озирает и открывает встречный мир,
который срочно захотел родиться в новом варианте,
к другой вселенной толерантен
в невыразимой наготы.

Раскрыта бездна. Звёзд буран.
В клепсидре шторма парной тенью,
сплочённой полем тяготенья,

несёт, как лист, катамаран.
И, серебром блестя над ним, оберегая их земное,
неуследим, неуловим, летит дозорный херувим,
солдат небесного конвоя –
но нет пощады тем двоим...
Им брезжит тайна бытия, их небо молниями дышит,
и влажным смерчем – выше, выше! –
встаёт великая змея.

...Бледнеет цвет ночных чернил.
Уже восток беззвёздно-светел,
и красный гребень белый петел под гладью вод воспламенил.
Отлив качает колыбель. Едва струящееся время,
сплетая будущее, дремлет в новорождённой голытьбе.
Синица в их руках тепла.
Его и сонную подругу
любовно лечат от недуга, от ночи, выжженной дотла.
Узнавшим первые азы – им хорошо. Им сладко спится.
Под утро снится той синице другого времени язык.
Там всё меняет прежний вид, но страсти суть не умирает.
Страница повести – вторая.
Стоимиллиардный том любви.

КОРЯВЫЙ СОНЕТ

Ну, какие стихи, когда
автор у нас – дурак?..
Им, бывает, везёт, а он
строчки запряг тетрадой,
ну, и въехал, что ясный взгляд –
след не его пера,
и куда как милей тебе
шелест других тетрадей.

И какой он покой найдёт
с полночи до утра?
Продолжением губ сухих –
твой поцелуй отрадней,
продолжением жадных рук –
жар твоего бедра...
Даже сердце к тебе растёт
деревом сквозь ограду.

Это сердце, дремучий дуб,
сроду живёт не там.
Каждый жёлудь его и лист
от маяты устал.
Что с того, что не шаток ствол.
Прутья тоже не валки.

И когда, наконец, уснёт,
кровь приструнив свою –
говорит за него стихи
мартовский кот-баюн,
и гостит на его ветвях
тоненькая русалка.

НЕГРОМКИЙ СОНЕТ

Попытка страсть переложить в шансон,
повеселить досужего зеваку
и о себе стихами покалякать –
древнее, чем завязки у кальсон.

Но если сердце пыточным кольцом
оправить и заставить кровью капать –
молчанье обретает форму кляпа.
Скажи. Не бойся потерять лицо.

Мой тихий Вестник, зёрнышко сонета!
Моя беда, моё Господне лето!
Я для такого чувства мелковат,

но грозный смысл любви исповедимой
бестрепетно беру из рук любимых
и не пытаюсь опубликовать.

СОНЕТ ПРОЩЕНИЯ

Как тяжело в глаза себе смотреть,
когда припоминаешь серый морок,
когда твой сторож непреклонно зорок,
и кожей сердца лакомится плоть.

Когда запахнет прошлого подклеть
мышиним духом из щелей и норок,
когда тебе не двадцать и не сорок,
и память – потревоженный медведь –

шатается по мартовским сугробам,
а бывших лет занозы и хворобы
мозжат и ноют, так ещё свежи...

Как утро, как своё предвосхищенье,
об эту пору даришь мне прощенье –
и понимаю, что любим и жив.

Она сидит в кармане скалы, спиной ко взглядам,
шершавым перстнем, кораллом юрским обрамлена,
и дышит запахом вечной хвои, целебным ядом,
где небо с морем – одна бездонная глубина.

Она несомна морским отливом, волной утёса
навстречу полудню и над хлопьями облаков,
и тонкой дымкой курится гавань, и пар белёсый
лежит на выпуклом горизонте, как молоко.

И ветер, прядая к морю коршуном, пряди треплет,
касаясь перьями загорелых летящих плеч,
и парус тела в пространство выгнут, и лета лепет
целует губы и подменяет прямую речь.

Вдоль бухты синей, где белой солью рассыпан город,
своя в ладонях ручьёв и сосен, лошин и скал,
сквозит эфиром, не зная строчек, что станут скоро,
скользит над миром, который радость её взыскал.

Налилось и потяжелело,
посырело, как в бельевой,
алебастром и мокрым мелом
загустело над головой.
Капли в листья стучат негромко.
Задымлённый закат-цитрон
оседает песком в воронку,
оплывает за кромку крон.

Потихоньку тянет озоном,
по округе скрипит сверчок,
из промоченных чернозёмов
по стволам темнота течёт.
Всё – намерение и тайна,
всё – мистический тёмный знак:
юго-запада бормотанье,
неуверенный брёх собак,
нимбы яблонь и слив лиловых.

Две недели июнь гостит,
и смычком усталой виолы
вечер медлит в его горсти.
Дремлет вечер. Пытаться втуне –
съесть ли, выпить, поцеловать...
И висит у цветка петунии
бражник «мёртвая голова».

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

В мокрых парусах ночного сада
заплутал зодиакальный свет.
Отражаясь цирками в листве,
лунный луч поймал свою цикаду.

В небесах – сквозная эстакада.
Ночь тиха. Дрейфующий корвет
оставляет шелестящий след.
Путь его далёк и не угадан.

Вся округа вымыта дождём,
каждый запах каплями рождён,
блики обзаводятся корнями.

Ночь влажна. В обличье ветерка
чья-то невесомая рука
яблоко тяжёлое роняет.

Всплывают из памяти берег рябой,
неспешный зябкий рассвет...

Хвалиться погодой, делами, судьбой
как будто бы повода нет –
а дышится славно. Свежо и серо.
Задонье, канун ноября.
По утренним плавням бежит ветерок,
цепляя тонкую рябь.
На илистой почве – коровьи следы,
кизяк... Наполнен водой,
смирненно становится частью среды
рыбачий дощаник худой.
Утиные клинья стремятся на юг,
стоит в затонах сазан,
и меру разлуки с собой узнаю
по пресным летучим слезам.

И посвист, и шелест, и дольний покой,
тростник шатает волной...
Слоёное небо над сизой рекой
оттенками влаги полно,
и сепией бледной написан по ней
сухих метёлок полёт...
Тридцатую осень навстречу волне
бездонная лодка плывёт.

ОСЕННИЕ СЮР-ПРИЗЫ

ПТИЦА РУХ

Скучно проснуться... Нынче – особо.
Глянешь наружу – там спозаранку
ветер такой, что, пожалуй, способен
распотрошить консервную банку.
Может быть, это Земля, обезумев,
под облаками к западу мчится?..

Гиперциклон, атмосферный Везувий
косит антенны, рвёт черепицу,
едут киоски, тумбы и крыши,
люди – ползут, машины – буксуют,
все провода в белье и афишах,
все фонари – в линейку косую.
Не было раньше подобных примеров,
бури такой не видел ни разу!..

Вот пролетают чьи-то сомбреро,
шляпа Гэндальфа, шлем водолаза.
Вон промелькнул фургон из Канзаса,
два гамадрила, стая лягушек.
Где он копился до этого часа?!
Рот приоткроешь – сразу задушит,
двери припёр, никуда не пускает...

Вторя ему, в душе запустелой
время ревёт осенним Бискайем
и выдувает её из тела.
Холодом, прахом, сумраком плещут
страшные крылья вымершей птицы...
Города кромка. Пустошей плеши.
И не проснуться. И не проститься.

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Погода совсем похудела:
и тучи, и вечер, и осень,
и дождик, известное дело,
над весями стыл и несносен,
и грому заменой в природе –
товарного поезда топот,
и нервы, как есть, колобродят...
Наверное, это к потопу.

Четвёртое небо по счёту
смывает с деревьев побелку.
Осота сопревшая щётка
напитана моросью мелкой,
понура нагая натура,
буколику сплошь заливаает.
Намокли фазаны и куры,
бизоны и мышь полевая.
Уже в результате полива
(и как ноябрю не наскучит)
затоплены тучные нивы,
погосты, навозные кучи,
затоплены верфи ковчегов...
Встромив рулевую лопату,
селянин за час до ночлега
спешит батискаф конопатить.

Запутан в летучую воду,
стою, лаконогий и сирый –
наверное, небу в угоду,
во мне серовато и сыро...
Вникаю в подворье соседа
с кувшинками и бурьянами.
...Он убыл недавно отседа,
(воришка и пьянь, между нами)
на призрак загробного счастья
сменяв огород с овощами...
Теперь беспризорный участок
бродяги порой навешают,

и там, перед запертой дверью,
ужасной уликой злодейства
раскиданы пёстрые перья.
Наверное, съели индейца...

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

Забирает морозец. Потом понемногу светает,
голубеет – и мрак растворяется сам по себе.
Златоглавый дракон, прилетающий к нам из Китая,
распускает усы по холодной эмали небес.

В перепончатых лужах рождаются ломкие блики,
начинается день. Золотое блаженство лия,
над извивами речек летит и летит Огнеликий,
и дымящейся влагой промыта его чешуя.

Там, внизу, индевеют поля и дремучие плавни,
сердоликовых зарослей тихо скудеет притин.
Оставляя повсюду следы философского камня,
эта осень проходит и – всё-таки медлит пройти.

В анфиладах садов то ли эльфы, а то ли сильфиды
драгоценными искрами тешатся. Феи с утра
по жердёлам развесьят – и сушат руно из Колхиды.
И не горько терять...

и расстаться ещё не пора,
потому что ни кровь не спешит, ни древесные соки,
и в ковше у колодца свежа от зари до зари
дождевая живая вода, а на ветке высокой
молодильного яблока крепкий румянец горит.

Подмораживает. Луна.
Полотно голубого льна
на булавочках звёзд растянута.
Время позднее. Ранний март.
У котов – сезонный азарт,
и надежды их не обмануты.

Все потаяло, снега нет,
но везде водянистый свет
и лагунами, и заливами,
и везде ледок молодой
прорастает, хрустя слюдой
под шагами неторопливыми.

Голубым сияньем облит,
разметавшийся город спит,
и ни ангела с ним, ни няньки.
Светят два или три окна,
безмятежность и тишина,
как на хуторе близь Диканьки.
Ни следа дневной суеты...

Вдохновенно орут коты!
Только им да луне не спится.
Ночь приветлива, ночь светла!..
Редко-редко мелькнёт метла,
а на ней нагишом – девица...

МАЛЬСТРЁМ

Давно затихло южное сельцо.
Ни ветерка. Тепло, пахуче, влажно.
Кричит пичуга мерно и протяжно.
Тревога в сердце. И луна в лицо...

На севере, похоже, моросит,
и мгла по горизонту загустела,
а на воображаемой оси,
соединившей два небесных тела,
накручены слои прозрачной ваты,
пропитанные ртутной белизной,
астральной пены, рыхлой и сквозной,
волнистой, волокнистой, клочковатой.

Невыносимо странен долгий взгляд
ущербного космического лика...
С открытыми глазами спит земля,
опутанная бледной повиликой,
и пахнет коноплей и беленой
весенняя томительная дрёма
на дне неторопливого Мальстрёма,
рожденного луной.

СНЕЖНЫЕ ЯМБЫ

TABULA RASA*

Похоже, затевается снежок.
Он зреет в сером облаке над нами
чудными слюдяными семенами.
Неплотно перехваченный мешок
битком набит шестиугольным пухом.
По срокам, по приметам и по слухам
зиме давно пора начать посев –
да все никак не соберется с духом,
не до конца, как видно, обрусев.

Похоже, начинается снежок!
Он реет в сером воздухе над нами,
над плавнями, составами, домами...
Ни грузный шаг, ни заячий прыжок
не смогут избежать запечатленья
в легчайшем из пуховых покрывал,
когда на листьев медленное тленье
он лег – и чистый лист образовал.
Теперь, когда он всё успел очистить
и сделал всё и строже, и светлей,
проведены на нем изящной кистью
сквозные иероглифы ветвей.

Как снег идет!.. Какое наслаждение –
предчувствовать, увидеть, осязать –
и в памяти на нитку нанизать
изнеженных снежинок нисхождение.
С какой-то элегической ленью
пушинки-альбиносыки летят,
летят, по миллиарду на мгновенье,
по промыслу, по щучьему веленью,
и почему-то таять не хотят.
Уже белей мелованной бумаги
дворы и крыши, склоны и овраги,
заснеженными площади лежат.
Как снег идет... Шуршит на каждом шаге...

.....
* Чистая страница (лат.).

Прохожие, бродячие дворняги
И прочие – ему принадлежат.

Мы счастливы присутствовать – не так ли? –
на этом удивительном спектакле,
где занавес подобен кисее.
А в нем и заключается сие
негромкое, но праздничное действо.
Мы все одним томлением больны,
и в этот час ни гений, ни злодейство
в своих поползновеньях не вольны.
Мы чувствуем, и, стало быть, живём.
А все, что утомилось бытиём
в событий торопливой круговерти,
затихло в летаргии, малой Смерти,
в неистощимой милости её.

Под вечер снег изрядно измельчал,
но сыплет бодро. Верно, быть морозу.
Пушистая белёная вискоза –
дарёной шубой с божьего плеча.

Когда Стрибог волением своим
кристаллизует внешние идеи,
худеют тучи и слегка скудеют
разреженные горные слои.

Хозяин зим, распорядитель вьюг,
он знал, что нужно тут, и принял меры.
Холодное бурленье тропосферы –
его забава, промысел, досуг.

Дыхание морозных альвеол
рождает снег. Он дышит, будто пишет,
всегда разнообразно. Гений свыше –
уж он-то никогда не пишет в стол.

190

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

ALTER EGO

191

Спешат машины. Крыши порошат.
Уместны и чьему-то глазу сладки
небесной манны щедрые остатки.
Вот небо стало ниже, а ландшафт –

пригляднее и глаже. Ночь близка.
Исходит год на Главном репетире...
И всё бы ничего в подснежном мире,
когда бы не жестокая тоска.

...И вот – поляризация цветов,
союз ночного снега и – не снега
с напластованьем этого – на то.
И павший дух возвыситься готов,
когда приходит Альфа и Омега
порхающими звёздами в Ростов.

И вновь земля благословенна в жёнах!
Оснежены дотолё обнажённых
домов и улиц сонные тела,
сей город, вавилонская блудница,
смущённо и растроганно роднится
со щедрым небом.
Ночь уже бела,
хотя – декабрь и южные широты...
И снадобий не надо приворотных,
а только эта млечная фата –
большая шалость и смешная малость –
чтобы любовь сбылась и состоялась,
забытая с годами, как фита.

Посевом радуг будущего мая
рождается метель, загустевая
белилами на клёне и сосне
и мелом на еловых макловицах.
Душа – легка, и может притвориться,
что в волосах – один лишь только снег.

ВЕСЕННИЙ ЮЖНЫЙ ВЕТЕР. НОЧЬ

Отодвинешь задвижку, уйдешь на крыльцо,
в темноту, как в футляр из уютного фетра,
распрямишься, вздохнешь, – и охватит лицо
неожиданной лаской прохладного ветра.

Он настоян на стеблях, пустившихся в рост,
он течет из прорехи небесного меха...
Зацветают черешни, и пригоршни звезд
наливаются светом на ветках ореха.

Наплывающий хмель, одинокая трель...
Это даже не ветер, а ночи дыханье,
это лепет садов, это новый апрель,
полусонное листьев и неба коханье.

И качается сумрака легкая зыбка,
и весна, примиряя со мной бытиё,
неоправданно щедро, за так, за улыбку
наполняет усталое сердце моё.

ЛЕТНИЙ ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР. ЦИКЛОН

Отроги туч громоздятся с размахом,
достойным картины Рериха.
Уже с утра небосвод распахан
движеньем тяжкого лемеха.
Составом, рвущимся под уклон,
бригадой в панике брошенным,
идет циклон и гудит циклон,
неистовый и непрошенный.

Мильоны тонн воды волоча,
простёртый над континентом,
с землей сшивает свои обруча
змеящимся позументом.
Дойдя до нас через всю Европу,
он сделался лишь сильнее,
и глаз циклона, как глаз циклопа,
угрюмым огнем синее.

Теперь из каждой облачной кручи,
белёсой, свинцовой, сивой,
он ливни выдавливает могучей
слепой центробежной силой.
И этой силой и пьян, и весел,
он так рычит поминутно,
что воды рек за пределы русел
стремятся потоком мутным.

Спешит, охальник, шумит, вражина,
творит по пути распутицу,
влеком косматой тугой пружиной,
как мельничный жёрнов, крутится.
И в третий день, растеряв понемногу
хозяйство свое лоскутное,
уходит рассерженным осьминогом,
чернильным пятном окутанный.

Еще грозит из последних сил...
Да был ли он или не был?

Скользит, кренясь на своей оси
к покатою краю неба.
А там, в степях, далеко позади, —
исчезнет. Куда и денется...
И выпьют степи его дожди,
как пьет из рожка младенец.

И млечный пар пойдёт от земли,
и скоро просохнут, верно,
и астраханские ковыли,
и огороды Оверни,
и солнце в росах зажжёт пожар,
и воздух станет высоким,
и коршун повиснет, слегка дрожа
в его восходящем токе.

194

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

ALTER EGO

195

МОРСКОЙ ЭТЮД С ДРАККАРОМ

Дела принимают дурной оборот,
ревёт штормовая погода...
От мысов Бретани, от бранных забот
под режущим ветром на север идёт
норманнский корабль из похода.

С поклажей, пропахшей солёной треской,
идет он, гонимый звериной тоской
к утёсам далёкого фьорда.
Белёсыми хлопьями пены морской
покрыта свирепая морда.

Идёт, сотрясаясь, идёт напролом,
как лошадь, порвавшая сбрую,
к черте горизонта, встающей ребром.
Текут из ларей пополам с серебром
ячменные щедрые струи.

А шторм, безобразный седой коновал,
хохочет истошно и яро,
роняя зарницы, топя острова...
Терзают и давят валов жернова
смолёное тело драккара.

Во мраке густом устремился к земле,
кленовым листом затерялся во мгле
на волю отпущенный ворон,
и стонут варяги, как дети, сомлев
в ладонях безумного Тора.

А буря, осеннюю жатву творя,
грохочет над их головою,
бурлит ледяная купель октября.
И только один однорукий варяг
припал на весло кормовое.

Но души людские уже не вольны
управиться с ужасом чёрным...
Восходит совиное око луны,

то в тучу ныряя, то в гребень волны,
над их кораблём обречённым.

Иглою под рукой неумелой швеи
идёт он, борта окуная свои,
вдогонку за вороном вещим,
и призрачным светом сырой чешуи
глаза деревянные блещут.

Идёт он, обрывки снастей полоща,
на скорые смертные муки.
Раскручена вихря слепая праща,
и стонут варяги... и доски трещат...
и руны поёт однорукий.

ТИГР

*В сердце камня проникает стрела,
ощутившая крепость руки и душевную силу.*
Классическая хокку

Он шёл, торопясь дойти, под мутной луною,
и большая часть пути была за спиною,
за поясом – два меча и лук за плечами...
А ветер бамбук качал и совы кричали,
и двигались облаков тяжёлые клочья
и тысячи мотыльков,
подхваченных ночью.

Размашисто шёл стрелок в крылатой метели,
и пять совершенных строк родиться хотели.
Он думал, как в них сольёт мгновенье и вечность,
и бабочек желтых лёт в туманную млечность.
То тучи скользили прочь, то в ту же минуту
опять становилась ночь,
как ягоды тута...

И вот, за сквозной стеной сплетенных растений,
где воздух прошит луной и шаткие тени,
где духи ведут во мгле весенние игры –
увидел он вдруг к земле
припавшего тигра...

И горного ветра гул сменился затишьем,
рукав кимоно мелькнул летучею мышью.
В движении том была смертельная сила.
Ушла с тетивы стрела и цель поразила.
И, не усомнясь ничуть в посланце пернатом,
в долину продолжил путь
питомец Ямато.

Когда же расцвёл восток под пение птичье –
пришел со слугой стрелок за редкой добычей...
И многие сотни лун с тех пор вспоминают
пробитый стрелой валун
и дух самурая.

ЧУТЬ-ЧУТЬ ИНОЕ

Утро и Море, – мир акварельный!..
Гаваней крики, рынков соблазны.
Блики на бивнях таранов галерных.
Разноязыки, разнообразны
люди и страсти.
Туда – без опаски,
разом шагнуть... Или просто всмотреться,
как примеряет гротескные маски
солнцем любимая древняя Греция.

Маститый ритор, седой и курчавый,
успешный в искусстве писать доносы,
клиента ждет, опершись величаво
на свой резной кипарисовый посох...
Гроза и горе Пелопоннеса –
пират присматривает подругу...
Купец, спаливший во славу Гермеса
чужими руками чужую фелюгу,
нарядный, идущий смотреть дискобола,
во рту катающий косточку финика...
Ты сам, лицо опускающий долу
с кривой усмешкой старого киника...
Кулачный боец, напустивший лужицу
кровавой слюны и костного крошева,
с песка приподняться напрасно тужится...
Купивший девочку-наложницу дешево
поэт, скандирующий на агоре
напыщенный стих о гетере Лесбии...
...Ангел с глазами, таящими горечь,
ангел с меча пламенеющим лезвием...

Ночь над Элладой. Море мерцает.
В мире – ни зла, ни страха как будто...
Лодки, наполненные тунцами,
держат на север, к рыбацкой бухте.
Спящих рабов расслаблены спины,
спят винограда тёмные плети,
а на холме у храма Афины
между колоннами бродит ветер.

198

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

ALTER EGO

199

В дом проникая сквозь ставни неплотные,
трогает пламя в узорных площадках...
В комнате – две египетских кошки,
слуга, и в кресле – начальник сотни.
Он цедит сок, слугою налитый
из звонкой глины (стекла? фаянса?),
забыв Кирену, где смял гоплитов
и их убивал, как Ахилл – троянцев.
И он не помнит могильной глины
и мертвых улиц с вороньим граем:
он слушает флейту младшего сына,
а мальчик играет, играет, играет...

Безвестный скульптор на козьих шкурах
лежит, насытившись девы стоном,
лежит и думает полусонно,
как завтра утром, в честь Эпикура
он будет зачатые статуи праздновать,
как будет, оставив горячую талию,
резцами из мрамора пальцы выпрастывать,
тянущие ремешок сандалии...

Три друга, поклонники Демокрита,
в прохладном саду под старой оливой
сидят на траве, холстиной покрытой,
беседой о сути мира счастливые.
Там сыр, и смоквы, и чаши трёхлетьного
в мудрой пропорции с горной водою...

Подсвеченный лунным великолепием,
пастух молоко вечернее доит.
В верёвках мускулов руки смуглые,
он стар, ему шестьдесят без малого.
И лунное олово с медью углей
сплавляются в бронзу лица усталого.
Чуть-чуть иного рисунка, чем ныне,
Весы и Дракон, Береники Волосы...
...Тихо смеются ручьи в долине
и ангел, раскрывший Небо над полисом.

ПЕЙЗАЖ С ЛОВУШКОЙ ДЛЯ ПТИЦ

Каменные печки-дома, вязов и кустарника вязь.
Стоя на вершине холма,
более, чем сам, становясь –
вслушайся, вдышись. Торопись бремени подставить плечо.
Брейгеля-мужицкого кисть.
Старого Брабанта клочок.
Верный, как испанский клинок – лодку и купальню, мостки
выписал его колонок,
врезал в сердцевину реки.
Каждое зерно сберегал. За четыре века до нас
видишь, как лежит в берегах
твёрдый и туманный Маас.

Вётлы и прибрежный рогоз – в свежей и пушистой воде.
Утро. Наступивший мороз
веет от лесистых Арденн.
Снежная сырая постель, жёлтая небес полоса
светятся в голландском холсте,
прочном, как времён паруса.
Снег не проминая ступней, спелые уголья зимы
трогаешь... и копишь её
мельницы, низины, холмы,
птичий задремавший полёт, всякую лозину и тварь.
Море отражённое шлёт
призрачный прозрачный янтарь.

Чёрные фигурки сельчан – древними букашками в нём.
Клювы суетливо стучат.
Кормится лукавым зерном
то, что любят гёз и монах. Сытная дичина, дрозды
под приглядом буковых плах
споро набивает зобы.
Птицелов, кормящий с руки, каждому сторицей воздаст:
те, что на равнине реки,
так равновелики дроздам.
Тут вязанки он разжигал. Тут коптил и пёк про запас.
Тут в огне его очага
прахом разметался Клаас.

Время обретая, как дар, глядя на седые места
думаешь ли, где и когда?..
Там, куда глазам не достать –
видишь ли соборов кайму? Стрельчатые их чудеса
зыбятся в морозном дыму,
мстится, что растут к небесам.
Радуетя жизни душа. Пепел укрывает туман.
Сладостно и горько дышать,
стоя на вершине холма.

...Но в целом проблема навряд ли сводима
к инверсии времени и остальному
похожему.

Ветер играет гардиной,
негаданным гостем гуляет по дому.
Хорошему дому. На острове крепком,
проросшем в сплочённый гранит плоскогорья,
как гриб-дождевик или ладная репка,
у мелкой лагуны холодного моря.

На склоне пологом, под месяцем талым
прилив охватил вересковую пустынь.
И вот – родники отливают металлом,
и тени роятся узорно и густо.
Ложатся на ветер полярные совы
по пеленгу пищи, по лемминга писку,
и ярко восходит звездой невесомой
корвета доставки зелёная искра.

Ночная приборка. Проворные крылья
над каждой поверхностью. Влажные блески
на свежих мазках Писсарро и Мурильо.
Столбцы статуэток угрюмы и вески,
а глянцевого камень жуков-скарабеев
пылает багрово, темно и устало.
Их много по дому. И властно довлеет
подробность и подлинность каждой детали.

Апрель – и, подобная белой лакуне,
зима отступает. И мхи лиловеют,
и рыхлые льдины плывут по лагуне,
и ветер по комнатам бродит и веет
весенним беспмятством, северной грустью...
...На куполе – пятна последнего снега,
и дом открывает приёмное устье
для семечка капсулы, канувшей с неба.

Там всякое: фрукты и овощи Кубы,
субмодули, древняя книга поэта

и женщины письма, которая любит,
но больше не сможет – собою об этом.
Рукою написаны... Тёмен и странен
его кабинет, где светлело ночами
от тихой улыбки её голограммы.
И образ Марии Челесты печален.

Закрыты каналы. Слепы терминалы.
Убивший источник хрональной заразы,
ничком у окна – человек, терминатор,
принявший судьбу и отдавший приказы.
Судья Атлантиды и времени лекарь...
Устала его коронарная мышца –
и нету у дома теперь человека,
знакомого с Буддой, Рамзесом и Ницше.

Игуана лежит, обдаваемая океаном.
Под гнездовьями птиц, не оставивших в скалах пустот,
на уступе горы, утонувшем подножье вулкана,
на краю ойкумены из дикого туфа растёт.

Игуана лежит. Зародясь у Барьерного рифа,
разбивается вал, принося на крутых раменах
золотисто-багровое. Громоподобным редифом
мировой океан называет свои имена.

Игуана лежит на камнях. Орхидея заката
разгорается ярче и яростней. Вечность назад,
и сегодня, и, может быть, завтра – из брызг розоватых
на пылающий мир щелевидные смотрят глаза.

Далеко континенты. Природы цари и питомцы
заняты лишь собой, и посевом драконьих зубов
прорастает история... Но от громадного солнца
изливается встречная сила, тепло и любовь.

И пока этот остров лежит на груди океана,
а до гибели прежнего мира не так далеко –
артефактом планеты, чудесным и подлинно странным,
неизменным тотемом лежит допотопный дракон.

Тот вечер, скучный и подслеповатый,
с полудня ладил серенький альков.
Тускнело... Бесприютных облаков
тащились неопрятные заплаты,
в селе желтели окна. Глубоко
внедрившуюся сонную истому
лечили там привычно, по-простому
(и, видимо, не с помощью «Клико»),
а поводом для новой опохмелки
служил канун Великого поста...

За воробыиной стаей мыслей мелких
лениво наблюдала темнота,
таилась в клунях и за кирпичами,
копилась под навесами дворов...
И тут внезапно, тучу расточая,
короткий ливень весело вперол.

Он хлынул!.. В назревающей ночи
он шёл, зиме не оставляя шанса,
и вряд ли кто серьёзно возмущался,
что он такую штуку отмочил.
Он убедил жуков и землероек,
что жизнь опять свежа и хороша,
он был азартен, по-апрельски ббэк,
и без разбору – лавки орошал,
какого-то котяру-маргинала,
засушенный морозом палый лист...
Он ждать не стал особого сигнала,
а поступил, как истинный солист!

Немного позже будет минус восемь
и вялая весенняя хандра –
неважно. Всё кричало: – просим! просим! –
и он своё с избытком отыграл.
Он барабанил по железным шкурам
на тощих рёбрах стареньких стропил,
обильно и старательно кропил
воспрянувшую сельскую натуру,

особнячки и ветхие лачуги...
Не отменяя истин прописных,
он был необходим, как та пичуга,
которая не делает весны.

ЛАЛАНГАМЕНА*

Путей не выбирая, довольствоваться краем,
прохваченным хронической хворобою,
признать его заслугой гибрид ружья и плуга –
и вот – уйти в нездешнее, особое...
Не верилось? ещё бы! В реликтовых чащобах
тропинок каменистых червоточины,
здесь мир не знает злобы, и кварцем высшей пробы
оскаленные русла оторочены.

Забудь про «либо – либо». Союз ствола и глыбы,
падение рек сквозь млечные туманности,
замшелые ланиты огромных мегалитов,
уснувших на полянах древней данностью.
Здесь хаос – и порядок, а воздух свеж и сладок.
Бурунное белёсое кипение
в теснинах и излуках. Но прочно держат буки
крутые склоны пальцами-корнями.

Мерцающая мельхиором, недремлющим дозором
стоят, переливаются узорами,
и светлым хризолитом короны их политы,
и весело сияют на лазоревом.
Холмиста и туманна моя Орлионтова**,
хребтами молчаливыми очерчена.
Ложбины пахнут снегом, а на пригорке пегом
цветы смелы и стебли гуттаперчевы.

А к ночи над отрогом, над облачным чертогом
родится по чьему-то наущению
кусочек золотого, приветливое слово
прощания, а, может быть, прощания...
Останься неизменна, моя Лалангамена,
покинутое милое отечество,
где небо держит ветка, где рысь тебе соседка,
и вечный лес живет человечества.

* Планета «Родной дом» (Г. Диксон).

** Мир горных духов (Д. Андреев).

И – да, опять апрель. Как хлеб ржаной
сырой земли. Как верность двух веронцев.
Опять весна становится женой
по зову Солнца.

Не догадаться, кто на этот раз
пошлёт сюда чернильных каракатиц,
но пусть за ясным днём утонет глаз
в степном закате.

Мой стих, мой вешний, поспешай за мной
по корду сорок пятой параллели,
затем, что мы безрадостной зимой
переболели.

Зелёный мир. Поднявшийся орёл
плывёт в предгорий плавные увалы,
где южный ветер, наконец, обрёл
свое начало.

В тёплый срок, где лучезарным положено
добросовестно сверкать и мерцать,
где над спелой черешней проложена
караванная тропа для скворца,

где погода улыбается всякому,
ловит воздух виноградная плеть,
клумбы розовы, а насыпи маковы,
где не хочется о прошлом жалеть,

где, проснувшись, ожидаешь хорошего,
где пейзажским отдыхаешь трудом,
где ореховые тени наброшены
на тобою обитаемый дом,

где смирение на царство венчается,
где подхвачены штаны бечевой –
наше сердце не боится случайного
и не просит у судьбы ничего.

ДАВАЙ ПОГАДАЕМ

Давай погадаем с тобой в январе
на белом, по ветру летящем пере?..
Запляшет позёмка седая,
и мы погадаем на праздной толпе,
нарядных витринах и льдистой крупе,
улыбки судьбы ожидая.

Давай поиграем в такую игру
на святочном, славном, весёлом пиру!
Давай-ка возьмём за основу,
что истина скрыта в его зеркалах,
варениках, воске, хрустальных шарах
и рунных дощечках сосновых.

Давай погадаем на искорках глаз,
туманном узоре оброненных фраз,
на фантике в детском кармашке,
считалочке, всем обещающей трон,
монетке с орлами с обеих сторон,
семилепестковой ромашке.

Но только не будем – на серых мышах,
на вечных шишах, на лапше на ушах.
Забудем зловещие знаки –
и больше не будем гадать на бобах
и гиперактивных небесных следах,
на порохе, долларе, маке...

А будем гадать на колоде такой,
открыв ее левой, от сердца, рукой –
с одною червовой мастью –
на тех, для кого мы на свете живём,
на что мы надеемся в сердце своём.
Давай погадаем на счастье.

ДЕЖА-ВЮ В ТЁМНЫХ ТОНАХ И ТРЁХ ЭПИЗОДАХ

Эпизод 1

Солнце
светить устало, и стал – закат.
Донце
дня обнажилось. Сменивший масть,
скомкан,
отброшен свет, и, как век назад,
кромка
из огненной – в сизую налилась.
Облачной
полосой разделённый зенит –
Яблочной
кожурой в бирюзовой воде.
Племя
младое шатается и гомонит:
время
любить и на спинках скамеек сидеть...
Синее –
в черноту переходит. И все
линии
превращаются в смазанный штрих...
Купол
остыл, и на выпавшей звёздной росе –
купы
деревьев и всплеск электронных шутих...

Эпизод 2

Ночь знакома, как сон знаком,
а откуда – не вспомнить... да нет и смысла.
В бритву заточенным пятакom
воровская луна повисла.

Ночь – южна́. Обо всём целиком
заставляет забыть.

Аскорбиново-кислый

лунный свет укажет легко
казино под названием «Счастливые числа»...

С пуговицей в руке – деликатно встрять
между новым русским и казнокрадом,
кинуть жетончик на «двадцать пять»
(это возраст подружки, сопящей рядом).

Поглядеть, как шарик исполнит каприз,
и с ненужным пучком салата в кармане,
приобняв за бедро ликующий приз,
со ступеньки шагнуть – и поплыть в нирване,
широко загребая её веслом,
преклонив колено на дне каноэ,
ощущая шейей дыханье хмельное, –
в темноту, за другим счастливым числом...

Эпизод 3

Ветер. Темно. Но, рискуя споткнуться,
скачет мелодия. Спать не хочет
август – и белобрысая «тутси»
в первом часу августейшей ночи.

Ветер...

И веет мистической жутью
от тела, которое в ритме «латино»
на негативе, засвеченном ртутью,
на тёмной террасе, на гулких пластинах
колеблется, гнётся, свивается штопором,
руки вдевает в размытые тени,
в сквозящую сеть серебристого тополя
и в перламутровых пятен смятение.

Телом, затянутым в тонкий эластик, –
ветер колдует белая мамба.
Воздух, раскрытый хриплыми ямбами,
склеен движений змеиной пластикой.

212

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

ALTER EGO

213

214

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

Ветер, пойманный магией пляски,
дует порывисто. Ветру лю-у-бо!..
Льнёт, с грудями упругими ласков,
и холодит приоткрытые губы,
и раздувает поздний шансон
шалый муссон.

Крутятся времени плавные лопасти,
сеют мгновенные млечные радуги,
переплетают с таинственной ловкостью
зрелость печали и юную радость,
и, грешную нежность своей натуры
замаскировав леопардовым светом,
теснее сплетается мисс Футурум
в насквозь эротичной ламбаде с ветром.
А он, покидая её коварно,
установ провоцировать вёрткую талию,
снова вливается в русло бульвара,
где бредят витрины прекрасной Италией...

Там, в середине огромного вороха
белого шума и белого шороха,
влажного лепета изобилия –
люди уснули и автомобили,
и саксофона ночной клаксон
усугубляет сон.

Мой добрый друг, лирический герой –
он весь, как я, но репликат умнее!
Мы заняты заманчивой игрой,
и что-то в той песочнице умеем.
Нам рифмы не крутить на бигуди
и лавры не примеривать в гримёрных,
но майю на песочке разводить –
пускай пускает веточки и корни.
И я не маг, и он не соловей,
но вследствие эффектов нелокальных
ко мне приходит белый человек,
мой лучший вариант из зазеркалья.

Мой временный поверенный в судьбе!
Свои грехи, огрехи и печали
могу доверить одному тебе.
Поговорим – оно и полегчает.
Ты весел и остёр, у нас двоих
покуда профицит оксюморонов.
Но с энтропией местные бои
всё чаще переходят в оборону –
спина к спине или к плечу плечо.
Марионеткой театра Образцова
ты для меня не станешь нипочём,
мой кровный брат, близнец однойцовый.

Мой славный клон! Куда я без тебя?
Осваивая практики и стили,
одним дыша и многое любя,
зачем-то ж мы с тобою расплодились.
И может быть, любезный мне двойник,
под этим солнцем мы не только тени.
Внутри стиходелической возни
мы чуем душу речек и растений,
полезный смысл, отчизны сирий дым...
В пространстве неслучайных комбинаций,
моё второе «я», гетероним,
давай почаще вместе собираться.

ALTER EGO

215

VERA RERUM VOCABULA*

0.

Тоскует душа... и калёным вопросом
в гортани закинена фраза одна...

Как голым – на льдину, как ночью – по тросу,
как в реку – с обрыва, не ведая дна –
так я, ни единого слова не автор,
язык исчерпавший едва ли на треть,
пытаюсь наведаться в ближнее «завтра»
и в зеркале строф на него посмотреть.
Пишу в ожидании неких знамений,
живу, наблюдая стихов кутерьму,
и вот, тем не менее и к удивлению,
им удастся, как никому,
представить ответ на проевший плечи –
а многим – так стойкий всех волос –
на сакраментальный «*Камо грядеши?*»,
на вредный для практики жизни вопрос...

1.

Представлять – приблизительно. Медленно к ней приближаясь,
опасаясь спугнуть...
Так охотится львица, отсутствием перемежаясь
на пути к обречённому гну.
Притворяться спокойным и будничным. Жить, как обычно,
оставаясь всегда начеку,
изучая размер и повадки вербальной добычи.
Так змея на суку
над тропой висит, зеленеет побегом лианы.

Примеряясь запрет обмануть,
ты исследуешь стилий и лексики дальние планы,
снаряжаешься в путь
за слоновою костью словес и заслуженной славой.
В глубине горделивой души
.....

* Истинное имя вещей (*лат.*).

ты на формулы жизни затеял большую облаву,
но ещё не спешишь:
так овраги родятся, ветвятся кораллы и мангры
и смарагды растут.
Ты нацелился выследить суть, облаченную в мантры,
но случайно задремлешь – и тут...

2.

... Тут время застыло, и тёмный вертеп
тений... а свет – как будто и не был...
иссохшая почва уводит к черте,
где блюдо земли прикасается к небу.
А там – ни луны, ни звёздной лузги.
То ли небо обтянуто чёрным сатином –
но только уже не увидеть ни зги,
(неведомой зги...) ни носков ботинок.
И страшно – вперёд, и поздно – назад,
и больше не вышептать «святой Боже»,
и смертной повязкой – мрак на глазах,
и травы – старой змеиной кожей,
и ухаёт темень, и лает шакал...
И дух замирает во мгле непролазной
за всё, что по глупости всеу болтал,
за каждую мысль, урождённую грязной,
за бранное слово, злосчастие лжи,
за уничтожение глаголов модальных
и приумножение картонных медалей...
Проснуться!.. раскаться!.. попросту – жить
и всё называть *именами своими*,
правдиво и правильно!..
Разве вотще –
искать Настоящее Имя вещей?
Ведь каждой дано при рождении Имя!..
Любой – сопоставлен таинственный код,
любая покорна творящему слову,
и верная фраза – насытит легко
хоть перлами истин, хоть кашей перловой!
Узнать бы...
Но если тому суждено –
тогда – в промежутке шакальего брёха,

216

АЛЕКСАНДР СОВОЛЕВ

ALTER EGO

217

сквозь копоть и пепел, во мрака прореху
спасением жизни приходит оно.
И страх выжигает, и гонит уродцев,
и собственной кровью питает закат,
и остро царапает плоть языка,
и всё не сорвётся...

3.

...В то утро –
сорвётся с кромки прибрежной скалы,
легко и безгласно расстелется в воздухе скользком
пернатое слово, кого – ни поймать, ни использовать –
и взмоет в струе восходящей.
И станут малы
сначала вопросы эстетики... этики... эти
благие и звучные смыслы... Исчезнут потом
отдельные камни и тропы. Воздушный поток,
слегка изгибаясь, параболу трассы наметит.

Утихнут фонемы и шум прибоя глухой,
наземные жизни опять обратятся в букашек;
на зеркале чёрных заливов – скорлупки фисташек
ещё измельчают, замрут просяной шелухой.
Темнее и ближе к фиалке станет лазурь,
размеры вершин и ущелий пойдут на попятный;
растают, шагреновой кожей сожмутся внизу
пространства забот и болот, ледниковые пятна,
сотрутся и краски полей – и дорог кракелюры...

Подавно теперь не вымолвить, не написать
волшебное слово, белое, с розовым клювом,
изгибами крыльев взявшее ровный пассат.
Смотри, как оно восходит в холодный покой,
земле оставляя тугу, маяту человечью –
широкой спиралью над временем, речками, речью,
над нашей по ясному смыслу тёмной тоской!

СОДЕРЖАНИЕ

Ольга Андреева. Искать настоящее имя вещей 5

АВТОГРАФЫ

Искать человека.....	11
«Храповое колёсико сделало оборот...».....	13
«Без ангела справа, без четверти два...»	15
Отчетный день.....	16
Дракон на поводке	
Нэцке	18
Выгул.....	18
Нетопырь.....	19
Памятка	20
Контрмарш скорпионов.....	22
За Насреддином.....	23
«Да здравствует энергия гримасы!»	24
Дом напротив.....	25
Юбилейному себе	26
Святки	27
ПОНТИЙСКИЕ ФРАГМЕНТЫ	
День шестой.....	28
День седьмой	29
Медитация на красном георгине	30
«Туман... туман... сырая пелена...»	31
Виноград	33
Отрывок осенней ночи	34
Как у пташки, крылья	35
Presto.....	37
«Сображдане!.. Коллеги!.. Господа!..»	38
«Свет мой, Оля, пригубить любимый тобою размер...».....	39
Из АРБЕНА КАРДАША	
Останься собой.....	40
О поэте Шихнесире	41

Из Риммы Аванесян	
Гора	
1. «Кружевные утёсы, туманы лесов...»	43
2. «...Она, моя гора! И только армянин...»	43
Версия	45

1. «...Наряду с другими – и нашего брата-...»	46
2. «...Далеко от Нью-Йорка и Сан-Диего...»	46
Предстояние	48
Репетиция отплытия	49
Кукушка	51
Баллада о новом доме	52
«Как умирают ласточки? Где их находит небыль?»	54
«Он убежал трагической чепухи...»	55
Баллада об имени	56

УРОВНИ

«Оставив Город-за-Рекой, шагни с перрона...»	59
«Начнем с заката. Янтарным стеклом...»	60
«...Всё – за гранью речённых фраз...»	61
«В июне – соловьи, а в августе – цикады...»	63
«Вечер. Околица. Дом у дороги...»	64
«Забыл о тусклых, его – запомнил. Он был недлинный...»	65
Посади дерево	66
«Ровный пепельный свет...»	67
Соловей и роза	68
Боярышник	69
22 Декабря	70
Дозорные	72
Даниилу Андрееву	74
Хлеб	75
«Он пришёл во имя Того, Кто собрал в горсти...»	76
«Холмы пустыни. Раскалённый...»	77
Гуси-лебеди	78
«И когда я беру рубанок, делаю стих...»	79
Комментарий к Хайяму	80
О самоанализе	81

Контрапункт	82
«Sic transit... Лучше не скажешь. Латынь всегда латынь...»	83
1830-й	84

ОТРАЖЕНИЯ

Рассказ о происшествии, имевшем быть с автором в период его временной нетрудоспособности	87
«Это сон?...»	90
Литография	92
«Укатилась гроза. Укаталась гремучая сивка...»	93
«Зашторено небес прохладное лицо...»	94
«Померкнет страница на слове «привет»...»	95
«...И я улетел к антресолям планеты...»	96
Интродукция	97
«Случайнее любых импровизаций...»	98
Буря баллада, или Баллада об ограниченном контингенте	101
«Из средних – средний, этот век...»	103
К вопросу этногенеза	
1. «Колесо Фортуны по рытвинам катится...»	105
2. «Сыплется песочек. И ладно ли, плохо ли...»	105
Трансформа-1	107
Трансформа-2	108
Дорога на юг	110
Парафраз	113
Медитация на рисовом зерне	115
Вдоль раннего	117
Попытка взлома	118
«Эта внутренняя речь...»	119
Перед дождём	120
Сонет для нас	121
Обретение воды	122
«В полном формате второго аспекта...»	124
Лотос	126
Сон бабочки	127
Три солнца	128

РУБЕЖИ

Другой Арджуна.....	131
Ну-ка, грохни, митральеза!.....	133
Багровый этюд-2008	
1. «Сквозняк из пекла после смога!»	135
2. «Вот сгоряча один из них...»	136
3. «И снова дело к знойной ночи...»	137
Сверхновая.....	138
Между волком и собакой.....	139
Снайперы	141
Обезьяны	142
Новые процессы	144
Массаракш	146
У Волги (Опыт маленькой поэмы)	148
«Они не горят и не тают, ветром не треплются...»	153
О стихосложении	
1. «Сначала появляется строка...»	154
2. «Но вот, когда ты музе дал отставку...»	155
3. «Уже свершён над пропастью полёт...»	156
Рецепт.....	157
Пролог к «Золотому ключику»	158
«В своих авто, как на канатах рингов...»	159
«Облупленный зальчик – ни пива, ни мидий...»	160
Танец	161
Старик	163
Там чудеса.....	164
Яма	166
Притча о страхе.....	168
Рукопись, найденная в котомке.....	170
Принцип домино	172

ALTER EGO

Ретроспекция.....	175
Ночь и утро	177
Корявый сонет	178
Негромкий сонет	179

Сонет прощения	180
«Она сидит в кармане скалы, спиной ко взглядам...»	181
«Налилось и потяжелело...»	182
Предчувствие осени	183
«Всплывают из памяти берег рябой...»	184
Осенние сюр-призы	
Птица Рух.....	185
Библейский мотив	186
Философский камень	187
«Подмораживает. Луна...»	188
Мальстрём	189
Снежные ямбы	
Tabula rasa	190
«Под вечер снег изрядно измельчал...»	191
«...И вот – поляризация цветов...»	192
Весенний южный ветер. Ночь	193
Летний западный ветер. Циклон	194
Морской этюд с драккаром	196
Тигр	198
Чуть-чуть иное	199
Пейзаж с ловушкой для птиц	201
«...Но в целом проблема навряд ли сводима...»	203
«Игуана лежит, обдаваемая океаном...»	205
«Тот вечер, скучный и подслеповатый...»	206
Лалангамена	208
«И – да, опять апрель. Как хлеб ржаной...»	209
«В тёплый срок, где лучезарным положено...»	210
Давай погадаем.....	211
Дежа-вю в тёмных тонах и трёх эпизодах	
Эпизод 1	212
Эпизод 2	212
Эпизод 3	213
«Мой добрый друг, лирический герой...»	215
VERA RERUM VOCABULA	
0. «Тоскует душа... и калёным вопросом...»	216
1. «Представлять – приблизительно. Медленно к ней приближаясь...»	216
2. «...Тут время застыло, и тёмный вертеп...»	217
3. «...В то утро – сорвётся с кромки прибрежной скалы...»	218

Соболев Александр Юрьевич

Между волком и собакой
Стихотворения

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Корсакова*

Подписано в печать 20.08.20. Формат 84х108/32
Бумага офсетная. Печать цифровая. Печ. л. 7

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

